

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ЧЕСТНЫЙ ВРАГ – НАПОЛОВИНУ ДРУГ
Сергей САМАРОВ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Честный враг – наполовину друг

«Автор»

2010

Самаров С. В.

Честный враг – наполовину друг / С. В. Самаров — «Автор»,
2010 — (Спецназ ГРУ)

Операция по уничтожению банды эмира Исапила по кличке Людоед прошла не так, как планировалось вначале. Бандитов перебили, но в бою был ранен командир батальона спецназа ГРУ Студенков, а самому Людоеду в очередной раз удалось уйти. Вместе с тем Студенков глубоко уважает Исапила как честного человека и мужественного воина; он знает, что эмир взял в руки оружие лишь в силу особых обстоятельств. Спецназовец догадывается, кто именно толкнул Людоеда на преступный путь, и начинает частный сыск. Справедливость должна восторжествовать...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
1. ЛЮДОЕД	10
2 . КОМБАТ	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	22
1. ЛЮДОЕД	22
2. КОМБАТ	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	32
1. ЛЮДОЕД	32
2. КОМБАТ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Самаров

Честный враг – наполовину друг

ПРОЛОГ

Операцию следовало завершать быстрее, потому что начинало смеркаться, а в темноте оставшиеся боевики, знающие местность лучше спецназовцев, только накануне выброшенных в район с вертолетов, могли уйти. Правда, и осталось их совсем немного, всего-то несколько человек, но каждый из бойцов федеральных сил знал, сколько бед могут натворить эти несколько человек, если оставить их в живых и на свободе. Эту ситуацию прекрасно чувствовало не только командование, уже надоевшее часто повторяемыми приказами максимально ускорить действия, но и сами спецназовцы, которым не очень-то хотелось мотаться всю ночь без сна и отдыха в холодном лесу, а может быть и следующий день. А за ночь бандиты эмира Людоеда могут уйти далеко.

А если удастся поспать то и ночевка в лесу обещала мало приятного. Согласно календарю зима только закончилась. Но на Северном Кавказе лишь днем про зиму не вспоминаешь, радуешься солнцу и ясному небу, и только ночью ощущаешь, что до лета еще далеко. Впрочем, в горах и летом по ночам жарко не бывает.

Разгром основных сил банды Исрапила Людоеда произошел быстро и закончился без потерь. Бандиты сконцентрировались для проведения крупной акции. Силы собрали немалые, больше пятидесяти человек, в основном из молодых безработных, у которых руки тянулись к оружию. Как предполагалось, они намеревались захватить целый поселок, и объявить себя там властью хотя бы на несколько дней. Они ждали нелетной погоды, в которую войска не смогут перебросить вертолетами. А дороги они намеревались блокировать искусственно созданными завалами. Боевики сидели в лесу, готовые к выступлению. Бандитов окружили почти полностью и придавили мощным минометным огнем. Потом вертолеты «поливали» ущелье и склоны гор НУРСами. И только после этого федералы пошли вперед. И опять при явном преимуществе. Там, где воюет строй против строя, боевики со спецназовцами тягаться не могут. Но вот в лесу, куда они сумели все же прорваться, потеряв четверте пятых состава, воевать было сложнее, и ждать выстрела приходилось из-за каждого куста, и часто в спину.

Спецназовцы двух ведомств, занятые в операции, торопились. По склону горы и сверху напирала «краповые», – бойцы отдельного отряда спецназа внутренних войск, а вдоль долины и снизу цепью прочесывали местность силами трех взводов бойцы спецназа ГРУ, ведомые своим комбатом подполковником Студенковым.

Стычки вспыхивали только первое время, когда бандитов еще можно было встретить группами по два, по три человека. И эти группы сразу уничтожались. А когда остатки банды почти полностью рассеялись, уже и звуки автоматных очередей практически не раздавались. Только время от времени из рядов спецназа ГРУ поочередно стреляли два ручных пулемета. Спецназовцы часто применяли такую тактику: если попадались кусты, в которых мог кто-то спрятаться, по этим кустам вначале вели огонь из пулеметов, и только потом вперед шли бойцы, проверяя. И пусть никого не находили в тех кустах. Но лучше перестраховаться, чем самому попасть под автоматную очередь...

* * *

– Андрюша, возьми трех человек, посмотри вон там, – подполковник показал пальцем, где именно следует посмотреть. – Там за кустами, судя по профилю, должна быть какая-нибудь

низинка, в которой можно отлежаться. Видишь, ручей стекает по склону, а потом пропадает. Значит, есть проход в другую сторону. И обязательно кусты у ручья будут. Где ручей, там даже на камнях кусты растут. И осторожно – сначала стреляйте, потом смотрите.

Комбат послал вперед не просто младшего сержанта, – своего племянника, единственного сына своей старшей сестры. Он всегда посылал его первым, чтобы не думали, будто Алексей Владимирович пригласил его у себя в батальоне. Если взял контрактника-родственника, с него спрос должен быть особый. Его можно назвать Андрюшей, это поймут. Не поймут, если беречь его будешь больше, чем чужих сыновей. Так комбат понимал службу.

Младший сержант Андрей Красников отношение к себе дяди Леша, – так звал комбата не только он, но и все в батальоне, за глаза, конечно, – понимал плохо. Не так был воспитан. И считал, что он вправе пользоваться родственными связями. Он слегка обижался из-за того, что вместо поблажек дядя был с ним излишне строг и давал ему лишнюю нагрузку, но хорошо понимал и другое. – Если дан приказ, его следует выполнять. Тем более в боевой обстановке. Службу младший сержант, что называется, знал. Он сразу показал пальцем поочередно трем солдатам, словно сосчитал их:

– За мной!

Пригорок, за которым должна быть по логике, как казалось подполковнику, низинка, находился метрах в сорока с небольшим от места, где стояли командир батальона и начальник штаба. Начальник штаба беседовал с кем-то по переговорному устройству, потом махнул рукой, показывая командиру, что он спешит куда-то по срочному делу, и не пошел, а чуть ли не побежал. Майор Листвичный всегда так бегал, чуть суетливо, внешне бестолково, подпрыгивая, но все же старался везде успеть, и почти всегда успевал. И это его поведение было свойственно не только в боевой обстановке, но и обычной штабной жизни, и заставляло офицеров штаба порой суетиться так же, как начальник, что, разумеется, не слишком нравилось комбату, человеку вдумчивому и сдержанному. Однако не в его власти было выбирать себе начальника штаба. Кого поставили, с тем и приходилось иметь дело. Майор Листвичный, впрочем, был человеком сговорчивым, и не склонным к ссорам. И потому трений среди руководства батальона не было. Как не было, к сожалению, и полного понимания.

Оставшись в окружении двух неполных отделений, подполковник жестом показал направление:

– Двигаться через эти заросли рассеянной цепью. Смотрите, кто-нибудь может калачом под кустом свернуться, не пропустите. Я два года назад не заметил бы одного, да на руку ему нечаянно наступил. Он очень возмутился. Оказалось, музыкантом был и руки свои берег. Не уберег вот голову: убежать надумал, и часовому пришлось его пристрелить.

Солдаты во главе с сержантом, выполняя приказ, быстро рассыпались цепью и двинулись в указанном направлении, а подполковник, перебросив автомат в другую руку, почесал мушкой себя за ухом, осмотрелся и неторопливо пошел вслед за четырьмя бойцами, направленными искать и проверять низинку, в которую сбегал ручей. Как бы ни показывал Алексей Владимирович свое строго отношение к племяннику, а беспокоился за него и всегда старался присмотреть. Так было и в этот раз.

Подполковник прошел уже половину пути, когда все началось. Действие разворачивалось у него на глазах. Солдаты вошли на пригорок и сразу дали по очереди в кусты. И тут же еще по две очереди каждый. А это уже значило, что они обнаружили там подозрительное место.

Студенков стремительно прибавил шаг и хотел было сменить рожек у автомата, по весу определив, что в установленном рожке патроны на исходе, но услышал спокойный голос племянника, и посчитал, что ему самому стрелять уже не придется.

– А ну, вылезай! – громко скомандовал Андрей. – Вижу, что живой, вижу. Быстро, козлина...

Над пригорком показалась голова со светло-зеленой повязкой поперек лба. Повязку украшала традиционная надпись из Корана, выполненная арабской вязью. Лицо бандита показалось Студенкову черным, как у негра, хотя черты лица были явно не негроидными. От страха, что ли, почернел?

– Лапки за голову и не суетись, – продолжал командовать Андрей. – Башку одним выстрелом вместе с повязкой снесу. Поднимайся выше.

Андрей в самом деле, как знал подполковник, умел хорошо стрелять из автомата прямо от пояса, когда и очереди не ждешь. И стрелял он точно. Автомат в этом случае фиксировался локтем, и потому ствол не бросало. Кучность попадания получается высокой.

Бандит в испачканном светло-коричневой грязью камуфлированном костюме послушно поднял руки, и сцепил их за затылком в замок. Но бросил при этом взгляд в сторону, куда-то за спину младшему сержанту и солдатам. Они сами этот взгляд не заметили. Или заметили, но просто внимания не обратили. Не хватило опыта, свойственного офицерам. Но Студенков, уже близко подошедший, среагировал правильно и проследил за направлением взгляда.

Другой бандит, в «камуфляже», испачканном точно такой же грязью, как и у первого, вышел из-за камня, окруженного кустами. Этот держал себя свободно, страха не показывал и двигался мягко и неслышно. Подполковник еще только начал поднимать автомат, когда граната, брошенная вторым бандитом, уже полетела за спину солдатам, а сам бандит снова скользнул за камень, прячась от осколков мощной «Ф-1». Подполковник Студенков выстрелил в бандита, но опоздал на какую-то долю секунды, и камни зазвенели под пулями, а с ближайшего куста упало несколько срезанных безлистных по времени года веток.

– Ложись! – крикнул Алексей Владимирович крикнул и сам бросился на землю.

Но у солдат и реакция оказалась не такой быстрой, как у офицера. Всем четверым для чего-то потребовалось еще обернуться, хотя характерный щелчок прижимного рычага они должны были услышать, и все на занятиях многократно реагировали на такой щелчок, дающий три-четыре секунды на раздумья и действия. Опытный человек успевает упасть и спастись. Успел даже бандит, что держал руки за головой – он прыгнул в сторону, хотя, кажется, тоже с небольшим опозданием. А солдаты опоздали. Для них сам момент поимки бандита сослужил плохую службу, расслабив их и дав почувствовать себя победителями. Оказалось, расслабились слишком рано. Граната взорвалась в трех метрах за их спинами и свалила всех четверых.

Бандит, бросивший гранату, снова высунулся из-за большого камня. Подполковник Студенков дал еще одну очередь, снова в камень, но израсходовал последние патроны. Сухой щелчок автомата показал, что пора менять рожок. Но этот же звук услышал и бандит, он выскочил из-за своего укрытия и в несколько быстрых ловких скачков сократил дистанцию. Автомат в его руках был поднят и наведен на комбата.

– Что? Это все? – спросил бандит, довольно улыбаясь одними глазами.

В глазах этих не было злости, было только любопытство и уверенность в собственной победе. А победа эта была не простая. Даже по возрасту офицера, не видя его погон, скрытых бронежилетом и «разгрузкой», он уже мог понять, что это не юный командир взвода.

Подполковнику Студенкову было унижительно лежать и ждать смерти. И он поднялся в полный рост, и расправил плечи. Но смотрел при этом не на бандита, а на своих солдат. Двое из них не подавали признаков жизни. Двое были только ранены, но ранения, несомненно, были тяжелыми, и помощи от них ждать не приходилось. Едва ли они были в состоянии даже оружие поднять. Но Алексея Владимировича волновало, где Андрей Красников, его племянник. Взрыв отбросил солдат так, что подполковнику не видно было верхней половины тела, но видны истерзанные осколками гранаты ноги. А чьи это ноги, убит племянник, за которого он взял на себя ответственность перед сестрой, или только ранен, определить было невозможно.

– Я задал тебе вопрос, – сказал бандит, любуясь собой.

– Пошел ты...

– Это правильно заметил, мне пора идти... – бандит поднял автомат.

Он ждал реакции подполковника, в глаза ему заглядывал, стремясь увидеть в них страх, но видел только, что офицер всматривается в сраженных осколками солдат, и совершенно не обращает внимания на противника, и абсолютно не думает о своей судьбе.

– Эмир! – раздался голос. – Исапил...

Это звал тот бандит, что недавно стоял с поднятыми руками. Он, видимо, был тоже ранен и просил помощи.

– Исапил, – вновь раздался зов.

Алексей Владимирович понял, что встретился лицом к лицу с главарем бандитов Исапилом Азнауровым, которого обычно звали Исапилом Людоедом. Это была уже не первая операция против Людоеда, но всегда счастье было на его стороне, и матерый бандит умудрялся выпутаться даже тогда, когда надежды, кажется, никакой не было.

– Ты кто? – спросил Людоед. – Ты здесь командуешь?

– Да, я. Мой батальон уничтожил твою банду. Жалко, тебя сразу не достали.

– Уже не достанете, комбат.

– Стреляй, сегодня твой праздник.

Исапил отступил на три шага, чтобы не дать возможности подполковнику атаковать его, и оглянулся. Студенков все же попытался шагнуть вперед, проверяя реакцию Людоеда, и тут же прозвучал выстрел. Людоед стрелял, но прицельно в колено подполковнику, и добился своего – свалил комбата.

– Исапил, – снова позвали из-за пригорка. Звали, надеясь на помощь.

Людоед крикнул что-то на родном языке, шагнул к лежащему Студенкову, забрал его автомат и забросил далеко в кусты. Потом, подумав, нашел взглядом кобуру, подошел ближе, прижал ствол своего автомата к горлу и вытащил пистолет из кобуры, полностью обезоружив противника.

– Живи пока, – сказал Людоед. – Я разрешаю, в честь моего праздника.

Он сам себе, кажется, очень нравился в этот момент. Но пора было идти, и Людоед пошел, не оборачиваясь на побежденного спецназовца. С раненым бандитом разговор велся на родном языке, которого подполковник не знал. Потом, не глядя на раненых солдат, эмир спустился за пригорок. И больше Алексей Владимирович его не видел. Да ему и смотреть было некогда. Исапил не догадался вытащить из нагрудного кармана разгрузки переговорное устройство. Но сам Алексей Владимирович про него не забыл. Быстро включил и проговорил:

– Всем! Я ранен. Есть еще минимум двое раненых. Возможно, двое «двухсотых». Санитаров ко мне. Исапил Людоед с раненым бандитом уходят по склону в южную сторону. Перекрыть пути отхода... Листвичный! Принимай командование на себя. Осуществляй преследование.

* * *

Несмотря на всю суетливую беготню, что устроил в ущелье майор Листвичный, обнаружить и задержать эмира Исапила Людоеда не удалось. Он словно под землю провалился. Или ушел в пещеры, о которых говорили уже неоднократно, но которых никто из спецназовцев не видел. Местные пещеры не были даже отмечены на картах, хотя слухи об их существовании гуляли регулярно.

Спецназ ГРУ вылетал на операцию по тревоге и врача с собой не взял. Были только санинструкторы, которые перевязали комбату ногу, пытались поставить укол промедола, от которого Алексей Владимирович отказался, и на большее способны не были. Тяжелые ранения получили и двое солдат, в том числе и племянник комбата. Этим промедол все же вкололи, поскольку раны у того и у другого были тяжелыми и множественными. Санинструкторы и врач

«краповых», с которыми армейцы соединились на склоне, благополучно не постреляв друг в друга, оставались рядом с ранеными до прилета вертолета, но ничем помочь на месте не могли. Но носилки к вертолету все же несли, и даже врач, обладающий узкими, как обратил внимание подполковник Студенков, ладонями, в которых рукояти носилок едва-едва помещались, от такой работы не отлынивал.

В аэропорту уже ждали три медицинские машины. В две загрузили раненых, в одну – «груз 200» и быстро отвезли в госпиталь, где сразу развезли подполковника и раненых солдат по разным операционным.

Только в момент, когда Алексея Владимировича начал брать операционный наркоз, у него в голове мелькнула мысль, что с таким ранением, как у него, есть риск остаться хромым на всю оставшуюся жизнь. По крайней мере, в спецназе ему, скорее всего, больше не служить. Еще мелькнула мысль, что комбатом станет, скорее всего, майор Листвичный, который своей суетой загоняет и загубит батальон. Потом подумалось про племянника, потерявшего сознание при погрузке в вертолет и больше в него не приходившего. Еще мелькнул перед мысленным взором образ старшей сестры, матери Андрея... И все... Больше комбат ничего не помнил.

Наркоз свое дело сделал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. ЛЮДОЕД

Я не вздрагиваю, когда стоящий на обочине дороги инспектор дорожно-патрульной службы поднимает свой полосатый жезл и подает знак, чтобы я остановился. И руки у меня, конечно, не дрожат, как у Давида Копченого, который сидит в моей машине на заднем сиденье. У инспектора руки тоже, наверное, не дрожат, поскольку он знать не знает, что делает и кого посмел остановить. У него служба такая поганая, а у меня служба другая, более опасная, но доставляющая несравненно больше удовлетворение. У мента обычная цель – больше хапнуть. У меня цель благороднее – выжить, поскольку я свое уже заработал. Но вскоре перед ним встанет задача выжить. Следовательно, мы, грубо говоря, к одному стремимся, только я иду с большим отрывом впереди, и потому могу себе позволить посмотреть на него не только с высокомерием, но и с сожалением, которое я понимаю, а он еще нет. Может быть, выживет все-таки и поймет. Но не каждому так везет. А невезунчики со мной встречаются... Давай-ка, ментяра, отнесемся друг к другу с уважением, чтобы не нажить неприятностей. Зачем, скажи, тебе крупные неприятности? А они у тебя могут быть только крупными. А как еще можно их назвать, если и жену вдовой оставишь и детей сиротами... Все потому, что я не шутник. Я – Людоед, и прозвали меня так именно менты. Правда, не инспекторы дорожно-патрульной службы, тем не менее люди с такими же ненавистными мне погонами.

Инспектор проверял документы у водителя другой машины, но все-таки взмахнул жезлом, властно требуя, чтобы я остановился и прижался к обочине. Здесь же еще несколько машин стояли, ожидая, когда к ним подойдет инспектор. Второй инспектор не помогал первому, он, явно стесняясь, стоял на противоположной стороне дороги, но машины не останавливал, а словно ждал кого-то. А третий сидел в будке и посматривал из своего «аквариума» то на нас, то в пол. Там наверняка или книга какая-нибудь захватывающая, или журнал...

Я знал, что инспектор придерется к сильно тонированным стеклам моей машины. По большому счету, он не имеет права придраться к этой мелочи. К стеклам могут придраться на техосмотре, могут придраться инспекторы специальной службы технического контроля ГИБДД – мне говорили, что и такая сейчас существует, но никак не простой дорожный инспектор. Но этот обязательно придерется – подсказала интуиция. Он здесь зарабатывает деньги и не легкие себе портит автомобильными выхлопами.

Я свое, хвала Аллаху, уже заработал. Но с инспектором мы существа отнюдь не одной крови. Грубо говоря, я – волк, а он – шакал. Хитрый и ловкий, но не сильный. И потому я с высоты своей волчьей философии его презираю. Их все презирают, но по другой причине. По разным, скорее, причинам. Я презираю по собственной. Потому, что понимаю его. Гражданская профессия у меня такая – людей понимать. Профессия людоведа... Именно это слово некогда трансформировалось по моей неосторожности и по милости ментов в колоритного Людоеда, и иначе меня уже редко звали. Только из великого уважения или из лести.

В то время я возвращался из счастливого для меня Лондона, где сначала стал чемпионом Европы по карате-кекусинкай, потом нашел себе жену-англичанку, а через семь лет там же защитил докторскую диссертацию по социальной психологии. В пригороде Лондона у меня был свой большой уютный дом, там жила вся моя семья, включая маму, которая легко и быстро нашла общий язык с моей женой и среди туманов по родным горам, кажется, совершенно не

скучала, она и меня постоянно уговаривала тоже стать поклонником дождей и туманов. Только я пока не собирался перебираться туда полностью, потому что скучал именно по горам и горному воздуху, а жена, к своему климату привычная, не желала перебираться в Грозный. Впрочем, пока я не настаивал. Мне даже чем-то нравилось мотаться туда-сюда. Тем более позволить себе это я мог – семейные отношения у нас с Катрин были хорошие, и разногласия по поводу совместного места жительства совершенно не портили их. Тем не менее Лондон был для меня вторым городом после Грозного, и летал я туда часто. Сослуживцы на меня косились. Они себе такого позволить не могли. Собственных средств на частые поездки и у меня могло бы не хватить, поскольку преподаватели вузов в России не самые богатые люди. К счастью, через полтора года после свадьбы моя жена получила в наследство целый мощный медиахолдинг, который давал немалые средства, а для меня так просто громадные, и позволял мне не чувствовать себя человеком бедным, хотя богатым я себя почувствовать тоже не мог, поскольку медиахолдинг принадлежал не мне лично. В этом вопросе я был щепетильным человеком. Несколько газет, два телеканала, несколько интернет-порталов и популярных сайтов, рекламные агентства, таблоиды – медиа-холдинг требовал постоянного присмотра, и это была одна из причин, которые не позволяли моей жене уехать из Лондона. Естественно, по этой причине сам медиа-холдинг отнюдь не казался мне помехой в семейном счастье. Я вообще человек легкий и многое могу воспринимать легко. В том числе и слегка безалаберную семейную жизнь. И при этом я считал свою семейную жизнь удачной.

Тогда я вернулся сначала в Москву, поскольку в Грозный в то время самолеты вообще не летали. Разве что военные, которые приземлялись в Ханкале, а для приема гражданских самолетов в аэропорту Грозного необходимо было завершить большой ремонт. А это сложнее, чем новый аэропорт построить. И от Москвы я ехал поездом, и приехал после какого-то террористического акта, что был совершен в столице России на вокзале как раз после того, как ушел наш поезд. Мягко говоря, трясли всех пассажиров, даже пожилых женщин, потому что взорвалась большая, как говорили, сумка, с которыми ездят челноки, чтобы набить их китайскими тряпками и продавать потом на своих рынках. Менты стали проверять оставленную кем-то бесхозную сумку, и в это время она взорвалась.

Всех пассажиров задержали. Ненадолго, исключительно для допроса: кто что видел, кого видел, были ли какие-то подозрения. Но подозревали нас всех, это я отлично понял. Нас всех и всегда подозревают, и к этому уже можно привыкнуть.

Меня допрашивал какой-то капитан. Нос его мне понравился. Словно это я ему ногой его в середину головы вдавил. Мент был зол на весь белый свет, но слишком ленив, чтобы на ком-то срывать зло. И даже протокол допроса он писал лениво, медленно выводя буквы ручкой, которая никак не хотела писать. В пластмассовом стаканчике на столе были еще три ручки, но капитану было лень взять другую.

– Профессия? – задал он мне вопрос, заполняя обязательные графы протокола.

– Людовед, – пошутил я, и увидел, как мент автоматически пишет в соответствующей графе – «Людоед».

Он написал, перечитал, подумал несколько секунд, потом с легким испугом посмотрел на меня. Но я кусаться не торопился, наслаждаясь моментом, как ребенок конфеткой.

– Чего-чего? – переспросил наконец мент.

– Вы о чем? – сделал я вид, что не понял.

– Профессия, я спросил.

– Людовед... Людей ведаю.

– Это как?

– Я доктор социальной психологии.

– Доктор. Врач, значит... А что ж ты... Вы то есть... Что мне, протокол переписывать?

Капитан вздохнул так, словно жить больше не хотел.

– Зачем переписывать? – я сделал вид, будто удивился. – Я не врач. Я психолог, доктор социальной психологии. Изучаю поведение людей в обществе.

– А зачем это изучать?

Мент, как ему и полагается, оказался очень дотошным.

– Надо, – сказал я уверенно и твердо. – Так надо.

Он мне поверил.

Когда люди уверенно говорят, им всегда верят. Даже если знают, что им говорят неправду. Верят в душе, хотя внешне не всегда это показывают. В большинстве своем люди – большие дураки. И, чтобы это не было сильно заметно со стороны, показывают, что не верят. А в действительности все наоборот...

– Так что же с протоколом? – спросил мент.

– Пусть так и останется. Я действительно – людоед.

– Так здесь же написано – «Людоед».

Я махнул рукой.

– И пусть. Кто это читать будет?

– А подпишете? – спросил капитан с надеждой. Ему очень не хотелось переписывать бланк протокола. Несколько строчек, но доставляют ему, видимо, большие мучения.

– Подпишу.

Вот так я и стал Людоедом. Протокол потом прочитали, и ошибка капитана дала мне официальное прозвище.

* * *

Тогда, беседуя с капитаном, я не знал, что из-за этого прозвища у меня начались большие неприятности, и, с прозвищем или без него, намеревался продолжить работать преподавателем психологии и даже рассчитывал на быстрый карьерный рост и звание доктора наук в тридцать два года. И диссертацию при этом я должен был защищать не где-нибудь, не в своем вузе, а в Лондоне. Но со своими планами я вынужден был уже вскоре расстаться, хотя там, в транспортной милиции, ничто не говорило о скором повороте судьбы. Капитан на прощание, даже как-то виновато, провел неприятную процедуру. Сводил меня в соседний кабинет, где я вынужден был оставить свои отпечатки пальцев.

– Стандартная проверка, – заверил меня капитан. – Добропорядочному гражданину это ничем не грозит. Вам ведь нечего бояться?

Бояться мне было нечего.

Так я по наивности думал...

События начали развиваться через день, который я провел дома, отдыхая после утомительной подготовки к защите диссертации и волнений самой защиты. Тема диссертации в восприятии была довольно сложной, особенно для западной модной модели равноправия полов. В Великобритании моя тема, помимо всего прочего, шла в противоречие с конституцией Соединенного королевства. Там, на западе, вообще все, что направлено против эмансипации, определенной аудиторией воспринимается в штыки. А те, кто мысленно мог бы меня поддержать, предпочитали молчать, чтобы не быть обвиненными во всех смертных грехах. И меня заранее готовились обвинить в восточном восприятии традиций культуры и в пропаганде этих традиций. Ведь современная Великобритания буквально наводнена выходцами из восточных стран, и их отношение к женскому полу англичан сильно раздражает. И наверное, не случайно оба оппонента у меня оказались женщинами и при этом профессорами с известными в международном социологическом мире именами и кардинальными суждениями. Но я и к этому хорошо подготовился, заранее проштудировав несколько наиболее известных работ своих оппонентов и уловив их слабые и сильные стороны. И самой слабой стороной во всех их суждениях я видел

стремление выдавать желаемое за действительное. То есть опору на умозрительное восприятие отношений полов в социуме. Я же рассматривал эти отношения на основе многочисленных опытов, проведенных у себя в вузе, где мы в лаборатории рассматривали разницу в восприятии одних и тех же мелких и крупных событий девочками и мальчиками, мужчинами и женщинами. И регистрировали с помощью энцефалограммы возбуждение соответствующих участков коры головного мозга. Разница была огромная, и опыты наглядно показывали, как женщины и девочки демонстрировали испуг и нервные реакции там, где мальчики и мужчины проявляли решительность и стремление действовать. И я твердо был убежден в неспособности женщин к руководящей роли, доказывая, что женщина в этой роли перестает быть женщиной, и в ее организме вырабатывается тестостерон, мужской гормон, порождающий агрессивность поведения, рост волос на теле и лице.

Естественно было предположить, как возмутили моих оппоненток, гордых хотя бы своим недавним премьер-министром женщиной, мои выкладки. Они даже приняли за оскорбление мою шутку, что никто не знает, брилась ли госпожа Тэтчер перед выступлениями в парламенте. Но английскую королеву я предпочел не задевать, тем более что она имеет только формальную власть. Тем не менее все мои утверждения были подтверждены многочисленными и многолетними лабораторными испытаниями. И все доказательства я представил в качестве анализов. На это оппоненткам возразить было нечего. Я победил, и защита прошла успешно. Мне оставалось только крылья за спиной почувствовать, чтобы взлететь, но тут мне позвонила из Лондона жена. И только я взял трубку, как раздался долгий и требовательный звонок в дверь. Тройной звонок. Так могли звонить лишь в чрезвычайных ситуациях. Я попросил жену подождать и пошел открывать. За дверью стояли вооруженные люди, они сразу уткнули мне в ребра автоматные стволы...

* * *

– Интересно, как вы с такими стеклами проходили техосмотр? – бесстрастно и вежливо спросил инспектор дорожного движения, внимательно рассматривая сначала мои документы, потом документы на машину.

– Молча, – сказал я и улыбнулся, чтобы мой ответ не показался грубостью.

А что я мог сказать? Не объяснять же ему, сколько стоит прохождение техосмотра, когда машина на пункт даже не пригоняется. Просто показываешь документы, платишь и получаешь талон. Да он и сам это, надо полагать, знает хорошо. Может быть, даже лучше меня, поскольку я четыре года не садился за руль, следовательно, четыре года техосмотр не проходил.

– Будем протокол составлять...

Это он так предупреждает. Он предлагает составить протокол, и на это предложение я, естественно, должен предложить ему для начала небольшую сумму. Ну, так, рублей двести. Он обязательно скажет при этом, что за двести рублей рисковать своими погонами не собирается. Так всегда бывает. Но за пятьсот, как показывает практика, рисковать будет. Эти расценки работают в южных регионах, а в Москве, пожалуй, с пятисот начинают и выше тянут. Но это зависит уже от жадности самого инспектора.

Я уже хотел было попытаться «уговорить» его взять взятку, но что-то в его глазах мне не понравилось, и, сам не понимая почему, я сказал:

– Ладно, составляйте.

Штраф, как я знал, всего-то сто рублей.

Моя сговорчивость уколола. Посчитав оскорблением мое желание заплатить штраф государству, а не лично инспектору, он кашлянул в рукав куртки со светоотражающими полосами и с подозрением спросил:

– Что вчера пили?

– Я верующий мусульманин и потому не пью вообще.

Но недоверчивое выражение из глаз инспектора не пропало.

В понимании инспектора, только с глубочайшего похмелья можно такие глупые поступки совершать. И поступки эти должны наказываться, похоже, решил он. И пожелал доказать, что я горький пьяница.

– Пройдите в будку. Придется в тестер дыхнуть.

И сам вместе с моими документами и с документами на машину направился в будку, где его коллега что-то рассматривал на столе.

Я оглянулся на тяжело дышащего мне в затылок Давида Копченого.

– В туалет хочешь?

– Нет, – сказал Давид.

– Тогда последи за вторым инспектором, – я кивком показал через дорогу. – И пистолет под рукой держи.

А сам вышел из машины и двинулся в будку. Естественно, предупреждая Копченого, я не думал ни о какой стрельбе. Но я слишком хорошо знал Давида. Он из тех людей, которые всегда чего-то боятся. Он боялся боя, но, когда бой начинался, становился отчаянным храбрым и хладнокровным бойцом. Сейчас он боялся ментов, но, случись обострение, он поставит их на место. И потому я заставил его напрячься. Оставил подстраховывать себя. А это уже значило, что он обязан собраться. И он соберется. И зубами стучать не будет. И руки дрожать перестанут.

Стена у дверей будки была заклеена объявлениями о розыске. Здесь была, конечно, и скромная по размерам доска. Но доски явно не хватало, и объявления расклеили по стене. С некоторым удовлетворением я посмотрел на свою фотографию – не забыли, значит, уважают... Но тут же слегка расстроился. На этой фотографии двухлетней давности я был с великолепной бородой, отпущенной уже в лесных лагерях, а борода мне была весьма к лицу. Жалко, что пришлось сбрить. Но вообще среди всех портретов, развешанных здесь, как мне показалось, я был самым приличным человеком. Это не то чтобы радовало, но слегка удовлетворяло, потому что я сам себя всегда считал человеком приличным.

Инспектор ждал меня на лестнице, уже поднявшись на один пролет. Его портреты из розыскных ориентировок, похоже, не интересовали. Так спокойнее живется. А вот моя задержка его нервировала. Но, увидев, что я иду, он двинулся дальше. И я услышал, как он недовольно сказал своему коллеге, сидящему за столом:

– Нашелся такой – пиши, говорит, протокол. Что я ему, писатель!

– Разберемся. Может, и сам писать умеет, – невозмутимо сказал второй.

Я поднялся по лестнице в два пролета и вошел в комнату. И даже поздоровался:

– Здравствуйте...

Вместо ответа второй инспектор, похожий лицом на колобка, сунул мне под нос какой-то прибор. И угрожающе рявкнул:

– Дыхни-ка.

Я дыхнул, как и полагается законопослушному человеку.

– Охренел совсем. Пьяный или вчерашнее еще? – спросил мент.

– Да ты на него посмотри, – сказал его товарищ. – Не меньше ведра водки заглотил.

– Я верующий мусульманин и не пью, – возразил я твердо.

– Это ты имаму рассказывай. А мы будем составлять постановление на изъятие прав.

Видимо, не пожелав расстаться с пятьюстами рублями, я сильно прогадал. И понял сразу, что с меня требовать будут больше. Чтобы не тянуть время, спросил сразу, рассчитывая хотя бы на двойное увеличение традиционной ставки:

– Сколько с меня, ребята?

– Пять тысяч, – сказал первый инспектор.

– Каждому, – добавил второй. – А нас трое. Считать умеешь? Считай.

Думал я недолго, криво и с неодобрением ухмыльнулся и полез за спину под куртку. Таким движением обычно достают бумажник из заднего кармана брюк. У меня там в самом деле лежал бумажник. Но рука потянулась отнюдь не в брючный карман. Не люблю наглость. И потому сзади из-за брючного ремня я вытащил «Вальтер» калибра 7,65. Менты поняли все и сразу.

– Мальчики, – сказал я. – Почему вы никогда на ориентировки не смотрите? У вас внизу висит мой красивый портрет.

– Что? – не понял круглолицый инспектор.

– В ориентировки по розыску, спрашиваю, почему не заглядываете?

– Мы задерживать никого не собираемся. Это не наше дело, – на что-то еще, видимо, надеясь, сказал первый.

– А зря. Если бы смотрели, не всех бы и останавливали.

Я стрелял в голову, так всегда надежнее. И стрелял точно.

После этого забрал свои документы, посмотрел в стекло и увидел, как бежит к будке третий инспектор. Как он мог понять, что здесь происходит? Но на этот вопрос мне ответило легкое потрескивание на столе. Оказывается, переговорное устройство было включено.

Инспектор спешил. Но тонированные стекла в моей машине сослужили мне службу. Он не увидел, что на заднем сиденье сидит Давид Копченый и наблюдает за ситуацией. Инспектор пробежал мимо машины, Копченый хладнокровно пропустил его, потом открыл дверцу, положил обе руки с зажатым пистолетом на крышу машины и дважды выстрелил в спину. Мог бы, вообще-то, и не стрелять дважды. Давид стрелок великолепный, и если желает попасть в сердце, попадает именно туда. А лишний шум может привлечь внимание. Хорошо, машин на дороге немного, и в момент стрельбы вообще никого рядом не оказалось. Но следовало спешить. Я быстро покинул будку, задержавшись только у объявлений о розыске, улыбнулся своей фотографии, хотел было двинуться дальше, но задержался и сорвал объявление. Не знаю даже зачем. Сорвал, и все. А потом поспешил в машину и сел за руль.

Мотор взревел, когда колеса стали пробуксовывать по асфальту. А потом сила инерции вдавила меня в сидение. Но я не забыл похвалить Копченого:

– Ты, Давид, молодец. Грамотно и хладнокровно сработал.

2 . КОМБАТ

Я люблю на машине с места в карьер брать, но редко себе это позволяю. Потому что мне какие-то железяки в коленную чашечку поставили, и нога утратила гибкость. Нужно время, чтобы эти железяки в костные ткани вжились. Но, если и не вживутся, нога все равно будет работать, хотя временами и с болью. В месте соединения кости с железякой образуются костные мозоли, а мозоли в любом месте досаждают. Так мне популярно объяснили.

Врачи посоветовали меньше ногу нагружать, но у меня свой метод лечения и я предпочитаю ходить как можно больше и в дополнение ко всему постоянно обрабатываю ногу аппликатором. Хорошая такая штука – на резиновой основе множество мелких иголок. Прокалываю, сколько терпения хватает. Во-первых, работает принцип «клин клином вышибают», то бишь боль болью... Во-вторых аппликатор заставляет сильнее циркулировать кровь, и нога моя начинает работать, как новая. И про железяку я забываю.

* * *

Навестив в больнице сестру, я не сразу пошел к Андрею, как обещал Татьяне. Там же, на территории городской больницы недавно построили храм во имя Святого великомученика

Пантелеймона, и я зашел в храм поставить свечки за здоровье сестры и племянника. И ей, и ему это, мне казалось, очень нужно. Так теперь получилось, что забота о Татьяне с Андреем легла на мои плечи. Вернее, сам я вынужден был взять на себя заботу о ближайших родственниках, поскольку больше о них и позаботиться было некому. Отец Андрея, тезка мой Леха Красников, семью давно бросил. И пришлось мне им помогать. Тем более трезво размышляя, не будучи виноватым, я все же свою вину за случившееся чувствовал.

Главное, в чем я был виноват – вовремя не сменил рожок автомата. Хотя, по большому счету, это Андрея и его друзей не спасло бы. Мне хватило патронов на две очереди, но Израпил Людоед успел бросить гранату и отскочить за скалу. Четверо солдат уже попали в зону поражения гранаты.

Двое бойцов были убиты, двоих, в том числе и Андрея, ранило. Их оперировали в том же госпитале, что и меня. Андрею ампутировали обе ноги выше колен, его товарищу – только одну ногу до колена. Комиссия, проводившая расследование, моей вины не усмотрела; тем не менее я себя винил. Винил в том, что парни оказались недостаточно подготовленными психологически. Расслабились тогда, когда расслабляться было нельзя.

Мог ли я тогда послать искать эту злополучную низинку не Андрея, а кого-то другого? Конечно, мог... И пусть говорят, и даже сам я говорю, что для комбата все его солдаты – это его солдаты, и за всех он отвечает одинаково. Но за племянника я еще отвечаю не только перед его матерью, но и перед своей сестрой. Анализируя уже задним числом все события последнего времени, я хорошо понял, что всегда боялся, как бы кто-то не сказал, что я берегу племянника. И потому всегда посылал его вперед. Чаше, чем других. И это было, может быть, несправедливо...

* * *

Срочную службу Андрей служил в спецназе ВДВ.

Что такое современная служба продолжительностью в год – это я понимал хорошо. И не просто понимал, я, как командир батальона спецназа ГРУ, хорошо знал, что настоящего солдата воспитать за год невозможно. Можно только навыки дать, да и то не в полном объеме. Но наше правительство пошло на поводу у политиков, которым на безопасность России, по большому счету, наплевать. И ввели такой срок. Обосновали это переходом армии на профессиональную основу. То есть на постепенную замену срочников контрактниками. Но эту замену грамотно провести не сумели, и в результате никогда наша армия не была такой слабой, как в период этой замены, которая никогда уже, кажется, не закончится.

С каким багажом военных знаний и навыков Андрей вернулся, можно было не спрашивать. Он считал, что вернулся воином... Я же знал, что воина из него можно сделать только года через три-четыре нормальной службы. А он вернулся со службы в элитных войсках без военных навыков и опыта, зато с гонором.

У меня, естественно, никаких планов относительно племянника не было. Ну, встретились пару раз после возвращения, не больше. Потом Татьяна жаловаться стала. На работу не устраивается, приходит поздно, с запахом спиртного, часто руки разбиты. А потом позвонила и заплакала:

– Леша, приезжай...

– Что случилось?

– Беда у нас.

– Говори яснее. Что случилось?

– За Андреем сегодня милиция приходила. Подрался с кем-то там... Посадят теперь. Что делать? Приезжай...

– Сам он где?

– Не ночевал дома...

У меня был разгар служебного дня. Я не мог бросить службу и ехать, чтобы выслушивать сестру, тем более что она сама ничего толком не знает.

– Ладно. Как только появится, звони, я приеду.

– А раньше?

– Зачем? Тебя утешать?

– С тобой-то как-то спокойнее.

– У меня служба. Позвони, как появится.

Что такое служба, Татьяна знала не понаслышке, потому что мы с ней выросли в военной семье и воспитывались отцом офицером, человеком сдержанным, справедливым, но всегда различающим дела служебные и личные и всегда отдающим приоритет делам служебным. Она на позвонила уже вечером, домой.

– Леша, пришел он... Только вот...

– Трезвый?

– Вроде бы да.

– Пусть не уходит. Сейчас приеду.

И я отправился на другой конец города.

* * *

На мой звонок дверь долго не открывали, хотя я слышал по ту сторону двери какой-то шорох. Дверной глазок у сестры был, но в подъезде на лестничной клетке лампочка не горела, и трудно было понять, кто пришел, потому что свет с верхнего и с нижнего этажей был тусклым и слабо пробивался. Наконец сестра спросила:

– Кто там?

– Я. Что прячешься, если сама звала?

Она дверь открыла, ухватила меня за рукав и втащила в квартиру. Затем выглянула за дверь посмотреть – нет ли там кого.

– Что с тобой? – спросил я. – Шпионов ловишь?

– Милиция опять приезжала. За Андреем. Я дверь не открывала.

– Заслужил, значит... – сделал я вывод, и прошел в квартиру.

Андрей сидел на кухне, мрачный, затравленный, с кровоподтеком на скуле, и пил чай, с трудом удерживая чашку – пальцы на руке распухли. Может быть, сломал, может, просто ушиб или выбил сустав.

Не сразу вступая в разговор, я взял чашку и сам налил себе чай. Пил, как обычно, без сахара. Если есть конфеты, самые дешевые карамельки, могу с конфетами попить, а пить чай с сахаром, на мой вкус, это только напиток портить. Сделав несколько глотков чаю, я предложил племяннику:

– Докладывай.

Он неуверенно пожал плечами.

– А что тут докладывать? Подрался.

– Эх, десантура... Дратья тебя плохо учили – без рук остался.

– Без одной руки, – поправил он мрачно.

– И без головы. Без головы даже в СИЗО прожить трудно. А ты туда, похоже, рвешься.

– Никуда я не рвусь... Обычные разборки между парнями. Я виноват, что ли, что у него челюсть оказалась такой слабой.

– Сломал?

– Челюсть человеку сломал и шейный позвонок повредил, – сказала стоявшая у двери Татьяна. – Для того его в армии учили... А еще милиция спрашивала, почему не работает и на что живет. А что я скажу? У мамы на шее детина сидит...

– Да устройсь я на работу, устройсь!

– Если не посадят, – проговорила мать. – Милиционер сказал, что статья за хулиганство. До двух с половиной лет. И еще эти... Телесные повреждения. Еще пару лет добавят. И что с ним теперь делать? Они же помнят еще. У них и документы есть. Перед армией...

Это я тоже знал. Перед армией ситуация была такая же, тоже племянник где-то кулаки в ход пустил. Отделался от суда только тем, что в армию забрали. Снисхождение, так сказать, проявили. Военком сумел с ментами договориться. С военкома тоже спрашивают за призывников. Вот и надавил...

– Уеду, – сказал Андрей нерешительно.

– Чтобы во всероссийский розыск попасть? Тогда еще пару лет добавят, – прокомментировал я его намерение.

– А что делать? – спросила Татьяна.

– Сидеть, – сказал я. – Или с пострадавшим попробовать договориться.

– Может, в армию опять? – нерешительно, не понимая ситуации, предложила сестра.

Я пожал плечами.

– Контрактником... – уверенно сказал Андрей, и я понял, что они с матерью уже обсуждали этот вариант как наиболее вероятный. – Возьми к себе, дядь Леш...

Для меня это, признаться, было неожиданностью, и неожиданностью не самой радужной. Я уже имел опыт службы с родным младшим братом, когда командовал ротой, а он у меня в роте взводом. Потом я просто попросил его написать рапорт о переводе. Ситуация получалась такая, что другие командиры взводов и на меня смотрели косо, и на брата. Он написал и перевелся. Как оказалось, удачно. Сейчас в Москве служит, и в звании уже меня обогнал...

– Мы контрактниками берем обычно тех, кто у нас служил, – нашел я слабый аргумент для возражения. – У нас служба особая. Постоянно действующие войска, как система ПВО или ракеты стратегического назначения... Кто со стороны приходит, обычно не справляются...

– Дядь Леш, я же в спецназе ВДВ служил, – настаивал племянник. – Я справлюсь.

– Что ж, в тюрьму ему идти? – сказала Татьяна с укором, уловив мое внутреннее сопротивление и подобрав, как обычно, нужные слова для обострения вопроса.

Я налил себе еще чашку чая.

– Что у вас за чайник такой? Вода постоянно горячая...

– С термосом... Так что, дядь Леш?

– К себе в батальон не возьму, это точно. Но завтра утром зайду к заместителю командира бригады, он у нас вопросом личного состава занимается, поговорю. Если есть возможность, позвоню сразу, и беги в военкомат. Оформление все равно через них.

Андрей слегка скис.

– Опять в военкомат. Они со мной уже проводили беседу...

– Я позвоню военкому, – пообещал я. – Жди, короче, звонка. Если возможность будет, помогу. Только ты уж меня не подведи потом. Не будет возможности, тоже позвоню. Обещать пока ничего не могу. Нет у меня таких полномочий, поскольку личным составом я занимаюсь только в своем батальоне...

– А милиция приедет? – спросила Татьяна.

– Скажи, не появлялся.

– А они зайти захотят...

Я понял, к чему она клонила.

– Собирайся. Юркина комната у меня свободная...

Юрий, мой сын, двоюродный брат Андрея, учился в военном училище, он должен был стать офицером в третьем поколении. Комнату его никто, естественно, не занимал...

Утром я позвонил домой. Трубку взял Андрей.

– К сожалению, заместитель командира согласен только с одним вариантом. Чтобы я тебя взял в свой батальон, и сам за тебя, хулигана, отвечал. И даже обещал по своим связям на ментов выйти и договориться. Беги в военкомат, оформляй бумаги...

А после этого позвонил на работу Татьяне, чтобы не волновалась.

– На душе отлегло, – сказала она. – Я уж всю ночь корвалол пила, а на работе валидол под языком держу.

* * *

Инфаркт у Татьяны случился, когда ей сообщили о тяжелом ранении сына и средней тяжести ранении брата. Естественно, не за брата она так сильно переживала, у меня это ранение было не первым, и я всегда из любых передраг выкарабкивался, а за Андрея. А когда на вопрос о состоянии здоровья сына матери сказали, что Андрею ампутировали обе ноги, она уронила трубку. Хорошо, что звонили не домой, а на работу. Там хоть было кому помочь. Ее из больницы выписали раньше, чем Андрея, но позже меня. Я сначала ходил с палочкой, привыкал к металлическим вставкам в коленной чашке; тем не менее за рулем боли в ноге не ощущал, и Татьяну из больницы встретил. Вечером сидели у нее дома. Я с Любой своей приехал. И дернул ее кто-то за язык начать рассказывать то, что она с моих слов знала – как все там, в Чечне, происходило. Татьяна человек впечатлительный, не в меня, и слишком ярко, наверное, все представила. И ей опять плохо стало. Настолько плохо, что мы с Любой вынуждены были остаться у нее ночевать. На следующий день мне нужно было с утра в госпиталь на комиссию, и потому я вынужден был оставить жену с сестрой. Попросил хотя бы участкового врача дождаться. Врач приходил. И посоветовал сестре как можно меньше волноваться.

Татьяна держалась молодцом. Она даже собралась к Андрею в госпиталь съездить, но я ее не пустил. Да и Андрей должен был вскоре сам вернуться. Но, когда он вернулся, с ней новый инфаркт случился. Правда, не такой сильный, как в первый раз, тем не менее для ослабленного сердца этого хватило. На сей раз Татьяну уехали в больницу надолго, а я вынужден был ухаживать за племянником. Ладно хоть, за счет бригады быстро купили ему инвалидную коляску. От социальных структур эту коляску получить можно было бы только через полгода. По квартире, таким образом, он передвигаться мог. А вот по городу не получалось. Город у нас, как большинство городов в России, не приспособлен для инвалидов. Ни из подъезда самому не выехать, ни в подъезд въехать. Про магазины я уже не говорю. Походы по магазинам достались мне...

* * *

Открыв дверь ключом, полученным от Татьяны, я занес сумки с продуктами сразу на кухню. Выложил, что куда полагалось – что в шкаф, что в холодильник, что в овощной ящик в стене под кухонным окном. Андрей, как мне подумалось, спал, и будить его я не собирался. Всегда неловко было смотреть в его глаза, словно вину я свою перед парнем чувствовал. И я уж хотел было пойти к двери, когда зазвонил мобильник. Определитель показал знакомый номер, но сразу вспомнить, кто мне звонит, я не сумел, и потому ответил просто:

– Подполковник Студенков. Слушаю.

– Рад, что вы слушаете, товарищ подполковник. Подполковник милиции Батуханов звонит.

Давненько мы не разговаривали, потому и номер не вспомнил. Хотя записал его и дважды, помнится, звонил.

- Здравствуй, Дима. Как у тебя дела?
- У меня служба, по которой множество дел проходит, Алексей Владимирович.
- Меня, как ты знаешь, только одно из твоих дел интересует.
- Да, я знаю. Потому и звоню. У вас есть электронная почта или факс? Я бы перебросил данные. Есть кое-что...
- Электронная почта есть. Записывай адрес.
- Я продиктовал, он повторил для проверки.
- Значит, объявился Людоед?
- Похоже, что объявился. И мы след нашли. Даже странно, что он за это время не уехал из страны. Должен был уехать. Что-то его здесь пока держит. Я там много чего понаписал.
- Спасибо, Дима. Я прочитаю.

Подполковник милиции Дима Батуханов служил в республиканском управлении внутренних дел Чечни и занимался розыском боевиков. С его отделом мне приходилось контактировать, но сам Дима мне до поры до времени на глаза не попадался. А потом попался... Когда после госпиталя мне требовалось передать копию рапорта о том, как удалось уйти Людоеду. Там, в служебном кабинете подполковника Батуханова, мы и встретились после многих лет и сразу узнали друг друга. Когда-то Дима, солдат срочной службы из затерянного в степях бурятского села, служил под моим началом срочную службу. Я в те времена был еще юным лейтенантом и командовал взводом в отдельной роте спецназа ГРУ. Это сейчас у нас только отдельные бригады существуют. А когда-то были и отдельные роты, с которых все и начиналось, и отдельные батальоны, и не было министров обороны, которые по недоумию расформируют самые боеспособные части. Короче, Дима служил под моим началом. К солдатам я всегда хорошо относился. И солдаты относились ко мне с уважением. Внешность у Димы была запоминающаяся. Типичное бурятское лицо с ярко выраженным эпикантусом¹, из-за которого глаз почти не видно. Узнать его не трудно.

Я узнал. И он меня узнал. Мы обнялись. И вот что-то Дима накопал...

Буду ждать электронную почту.

* * *

Я собрался уже уходить, когда распахнулась, стукнувшись о шкаф, дверь, и из своей комнаты выехал в коляске Андрей. Вид у него был совсем не заспанный. Взгляд внимательный и серьезный. Почему-то не хотел раньше мне на глаза показываться. С ним подобное случается. Он теперь стал стопроцентным эгоцентриком и был постоянно погружен в думы о собственной будущности. Но, как сам признавался, таковой не видел.

– Людоед нашелся? – спросил он мрачно.

Слышал мой разговор. И понял, о чем речь. А как не понять, если сам об этом, наверное, постоянно думает.

– Ищут. Есть след, – ответил я уклончиво.

– Дядь Леш, меня в курсе дела держи. Я очень хотел бы ему в глаза посмотреть.

Это прозвучало, как угроза бандиту.

– Зачем? Что тебе это даст?

– Он, говорят, всегда в благородного горца играл. А гранату так бросил... Это же как выстрел в спину.

В этом он не совсем прав. Условия боя и стрельба в спину – вещи разные.

– Это была его самозащита. Но мне не жалко. Если поймает его, я постараюсь устроить тебе с ним свидание.

¹ Эпикантус – складка верхнего века во внутреннем углу глаза у представителей монголоидной расы.

- Обещаешь?
- Обещаю.
- Спасибо, товарищ подполковник.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. ЛЮДОЕД

Машина у меня скоростная – новенький БМВ пятой модели. Разгон такой, что мало кто угонится, разве что с перепугу. И я проскочил пару километров раньше, чем успел перевести дыхание. А когда перевел, спохватился. В горячке, с перепугу то есть, не продумал свое поведение и сразу совершил ошибку. Конечно, мне даже задерживаться у своего портрета не следовало. Мало ли кто мог видеть это. И уж тем более не следовало его срывать. А если уж сорвал, то следовало обрывки плаката с собой забрать, а не бросать там же... Или уж, чтобы следы запутать, и еще хотя бы пару ориентировок сорвать.

Я затормозил так резко, что Давид Копченый чуть на переднее сиденье не вылетел. Сколько заставляю его пристегиваться, он все время забывает.

– Ты что? – спросил Копченый, когда машину слегка повело юзом, но я все же справился с управлением, сначала выровнял движение, а потом стал разворачиваться перед самым носом у идущей навстречу тяжелой фуры.

– Забыл...

– Что забыл?

– Проститься с покойными забыл...

Понял он что или не понял, это сути не меняло, поскольку я в этой ситуации распоряжаюсь. В других, по крайней мере, в большинстве других, тоже я. И ему остается только подчиняться. А лучше было бы, чтобы он и вопросов не задавал.

Выскочив из-под угрожающе летящей большегрузной фуры, моя машина стремительно рванула с места. Мне и минуты не потребовалось, чтобы вернуться на место. Но вернулся я поздно. На площадке, рядом с постом ГИБДД, были припаркованы две машины, а около застреленного Копченым мента стояли люди. В будку никто, кажется, не поднялся. Один человек стоял рядом со своей машиной и разговаривал с кем-то по телефону. Сообщал, видимо, о происшествии.

Я развернулся, подъехал и остановился. Выходить не стал, только стекло опустил, посмотрел на тело, на людей, стоящих рядом, и головой покачал:

– Ни себе хрена... Помощь нужна? Я врач.

Это было оправданием моему появлению здесь. Большинство машин мимо проедет. Остановятся единицы. Врач, если он врач настоящий, остановится. Впрочем, о таких врачах народ, кажется, уже давно забыл...

– Уже помогать некому, – сказал один из водителей, толстопузый великан с усами, как у запорожского казака. – Две пули в сердце. Одна рядом с другой.

Это я и без него видел. Действительно, без него, и даже раньше, чем он.

– Ментов вызвали?

– Вызывают.

– Ладно. А то я сначала проскочил на скорости, не сразу сообразил... Пришлось вернуться... – это чтобы понятно было, почему я приехал с одной стороны, а отсюда поеду в противоположную. – Кто стрелял-то? Видел кто?

– Я не видел. За остальных говорить не буду. Только и остальных, когда приехал, я тоже не видел...

Усач был не из приветливых. И потому мое отбытие должно выглядеть естественным. Я пожал плечами, поднял стекло и поехал. Но успел все же глянуть на будку. Под стеной так и лежал сорванным мой портрет. Никто на него внимания пока не обратил. И ветра, как назло,

не было. Был бы ветер, обрывки унесло бы, и на остатки ориентировки, приклеенные к стене, никто бы не обратил внимания.

Выехав на дорогу, я сразу вдавил педаль газа в пол. Если этот злополучный пост ГИБДД я миновал удачно, то дальше постов быть не должно бы. Если и есть дежурные машины на дороге, они уже гонят сюда, чтобы хотя бы посмотреть на случившееся, чтобы о собственной участи задуматься и впредь не слишком нагнать. Для того именно, по большому счету, я и стрелял. Негодяев нужно уничтожать. И если власть не берет на себя такие функции, то придется эти функции брать на себя мне и таким людям, как я. Порядочным... Только так в обществе можно навести порядок.

* * *

Когда мне под ребра воткнули стволы автоматов, я испытал боль, но вида не подал. Мои ребра к боли от ударов привычны. Я много лет занимался карате-кекусинкай, а в этом стиле большинство ударов руками, да и ногами тоже, наносится именно в ребра. В полуфинальной схватке на первенстве Европы в Лондоне мне сломали ребро. Я дотерпел и победил, хотя временами казалось, что я теряю сознание.

Ствол автомата – не кулак, хотя ударить кулаком я могу больнее, чем менты стволами автоматов. Тем не менее удары мента мне не понравились. И милиционеров было много, и стояли они друг за другом.

– Что вы хотите, уважаемые? – задал я вопрос.

– И سراпил Хамзатович Азнауров? – спросил человек из заднего ряда. В отличие от других, у него на каске было затемненное пластиковое прикрытие лица, и потому лица этого я видеть не мог, но голос показался мне знакомым.

– Это я.

Не зная за собой вины, я даже попытался улыбнуться. Хотя улыбка, наверное, выглядела натянутой. Так кинозвезды и эстрадные примы улыбаются после десяти пластических операций в год. Я это почувствовал и на оперированных уродах походить не захотел. Потому и улыбаться перестал.

– Вы задержаны по подозрению в терроризме. Пропустите нас в квартиру, – сказал все тот же знакомый голос.

Но я даже шаг назад сделать не успел, как меня теми же стволами автоматов просто затолкнули в прихожую, и всей толпой, настоящим ручьем, один за другим они потекли внутрь. Я даже мысленно удивился, откуда их столько взялось, и не слишком ли много спецназовцев и ментов разных уровней на одного несчастного доктора социальной психологии, которым мне уже нравилось себя считать.

– Руки! – требовательно сказал один из гостей.

У меня, естественно, не было навыков подготовки рук для надевания на них наручников, и выставил я их слишком широко, но мне помогли удержать их так, как им было удобно, и жесткие обручи впились мне в запястья. Наверное, наручники тоже имеют регулировку, поскольку люди имеют разные по обхвату запястья. Но мне то ли случайно, то ли специально наручники были надеты так, что они впивались в руки, нарушая кровообращение. А ведь запястья у меня не слишком широкие.

В квартире уже начался обыск, а человек в шлеме с тонированной защитной маской взял телефонную трубку, послушал, выругался и положил ее на аппарат, прекратив разговор с Лондоном на незаконченной фразе, поскольку мат и вообще любую ругань считать законченным предложением нельзя. Это только проявление каких-то эмоций, и всегда требуется расшифровка.

Телефон звонил еще дважды, но каждый раз трубку снимали и тут же клали, чтобы избежать разговора. И даже не интересовались, кто мне звонит, хотя для любого следствия, когда человека задерживают, как я понимаю, интересны его связи. Вывод напрашивался сам собой. Или работают менты непрофессионально, или, наоборот, они слишком много знают, чтобы тратить время на разговоры с моей женой.

Меня не допрашивали. Только под конец, когда обыск завершился и кроме денег ничего подозрительного не нашли, привели пару соседок в качестве понятых и заставили подписать протокол обыска. Они подписывали, ничего не видя и не зная, что подписывают. Две добрые бабушки читать-то по-русски умели с трудом, а уж каракули разобрать не могли тем более. И им никто не потрудились прочесть протокол. Но на меня бабушки посматривали уже с подозрением и опаской.

– Поехали, – распорядился старший, поправил тонированное прикрытие своего лица и подтолкнул меня под локоть, направляя к двери. – И шевели лапами, шевели.

– Вы все нашли? – спросил я предельно вежливо, словно бы предлагал сам что-то показать.

– Найдем что нужно.

– А что нужно?

– Пару мешков с гексогеном, – он хохотнул от собственного остроумия. – На кухне под столом прятал. Не мог место лучше найти. В протокол это уже внесли, не волнуйся. А на склад за настоящим гексогеном по дороге заскочим.

На кухне под столом у меня лежали два мешка с сахаром.

– Веселый вы человек, – оценил я. – Легко вам, наверное, живется.

– Еще бы зарплату добавили, нормально бы жилось, – старший сначала капитальнейшим образом выматерился, а потом непритворно вздохнул.

Я, кстати, запомнил, что деньги из моего шкафа были переложены именно в его карман. Там было около восьми тысяч фунтов стерлингов. Это больше десяти тысяч долларов. И не заметил, чтобы их пересчитывали, и не слышал, чтобы сумма была занесена в протокол обыска.

* * *

Отвезли меня в следственный комитет при прокуратуре. Доставили в кабинет с дверью, обитой искусственной кожей. Там не каждая дверь так обита... Я сразу подумал, это для звукоизоляции. Значит, на допросах бить будут. Но сам кабинет вовсе не напоминал комнату для битья и даже на инквизиторскую камеру пыток походил мало. В кабинете был сделан евроремонт. И такие стены никто не будет кровью забрызгивать.

Два омоновца, те, что тыкали стволами автоматов мне в ребра, остались за дверью, а в кабинет вместе со мной вошел только старший, с тонированной защитой лица на шлеме. В кабинете, одетый в синий прокурорский мундир, сидел следователь и что-то выстукивал на клавиатуре компьютера. Следователь махнул рукой, показывая на стулья у стены, и ничего не сказал, желая, видимо, закончить какую-то срочную работу.

Сопровождающий мент молча подтянул к себе мои руки и снял наручники. Я киношно потер запястья, разгоняя застывшую в кистях кровь. Видел в кино, что так делают люди, и тоже сделал. Я очень надеялся, что произошло некое недоразумение, которое сейчас вот разрешится, как только следователь закончит свой эпохальный труд. Мне до сих пор никто не объяснил, какие конкретные обвинения мне предъявляют, а огульное обвинение в терроризме звучало лично для меня просто глупо. А как оно вообще могло для меня еще звучать? Я не только к терроризму никогда не имел никакого отношения, я даже политической деятельностью не интересовался. И все то время, когда в Чечне шла вначале первая война, а затем вторая, я провел в Санкт-Петербурге, где учился и первоначально работал, а в Грозный вернулся,

когда здесь уже все улеглось, когда начали работать вузы, и меня пригласили в родные пенаты преподавать. У меня не было никаких связей ни с террористами, ни с бандитами ни в Санкт-Петербурге, ни в Грозном. Даже занимаясь карате, я выступал не за свою республику, а за команду санкт-петербургского клуба, а в Грозном по возвращении домой только форму поддерживал, уже полностью отойдя от активного спорта, хотя возраст еще позволял участвовать в соревнованиях. Я был весь, как мне казалось, на виду, а такому человеку вести двойную жизнь невозможно. Какой из меня, скажите, пожалуйста, террорист? Для того, чтобы быть террористом, следует иметь как минимум определенные убеждения. Таких кардинальных убеждений у меня не было никогда. Я просто не интересовался политическими играми.

Значит, необходимо было только подождать какое-то время, чтобы следователь меня выслушал, и все понял. Может быть, я надеялся, он и без моих объяснений все понял, и только закончит какую-то срочную работу, как принесет мне извинения и отправит домой. Хорошо бы на машине. Пусть даже на той, на которой меня привезли. И хорошо бы еще деньги мент вернул. Деньги не маленькие. Но это уже, пожалуй, из области фантастики. Да ладно, не последнее. Сниму со счета...

Вздых следователя означал, как я понял, облегчение. Он сбросил с плеч тяжесть предыдущей работы, и был этим несказанно счастлив. Потом потер глаза, уставшие от монитора, и повернулся ко мне с ментом.

– Чай будешь? – спросил он мента.

– Я за рулем не пью, – чистосердечно сознался тот. – Машину у горотдела оставил. Еще нужно домой вечером ехать.

– Да кто тебя остановит. Твою машину каждый «гиббон» знает.

– Столб остановит, это проверено. Как выпью, первый столб мой. Уже три раза было.

Мне опять показался знакомым голос мента, но узнать его я так и не сумел. И подозрительным показалось, что он ни шлем не снимает, ни свое почти рыцарское забрало не поднимает. Не иначе лицо прячет.

– Тогда лучше и не надо, – согласился следователь.

– Техника трезвых любит.

Мент откровенно жалел машину.

– Ладно, как хочешь, – вздохнув еще раз, следователь посмотрел на меня и поморщился, словно бы от досады. Впечатление складывалось такое, что я мешал ему, отрывая от чего-то срочного и важного.

Но я ждал разрешения ситуации и потому смотрел на него честно и прямо.

– Меня зовут Абдулкадыров Асхаб Гойсумович. Я – старший советник юстиции, старший следователь по особо важным делам следственного комитета при прокуратуре Чеченской Республики. Вы, как я понимаю, Азнауров Ибрагим Хамзатович... По профессии... Людоед... С ваших слов записано верно. Формулировка стандартная, и подпись ваша.

Значит, он читал протокол моего допроса на вокзале. Ну и пусть. Что из этого может вытекать? То, что меня называли Людоедом, еще не есть доказательство моей причастности к терроризму.

– Да, Ибрагим Хамзатович Азнауров, это я. Только профессию людоеда специально для меня придумал с похмелья сотрудник милиции, который составлял протокол утром. Я сказал, что я *людоед*, то есть я – социальный психолог. Только сегодня вот вернулся из Лондона, где защитил докторскую диссертацию. А капитан записал Людоед. Это с милицией бывает, когда буквы путают.

Блок поставить я успел, и удар мента в шлеме с тонированным забралом меня не достал. Значит, реакцию еще не потерял. А от отборного мата блок можно и не ставить. Этим меня не прошибешь. Но большого труда мне стоило удержаться и не ответить ударом на удар. Впрочем, его и бить-то было некуда. На голове шлем, лицо тонированным забралом закрыто, скорее

всего, даже пуленепробиваемым, ребра и все уязвимые точки туловища под бронежилетом. Только руки себе изуродуешь...

– Отставить, майор, – сказал Асхаб Гойсумович. – Он правду говорит. Только пусть уж он ее до конца говорит...

Матюгальный солист успокоился, но не слишком охотно. Тонированное забрало смотрело на меня, скрывая, кажется, пылающий ненавистью взгляд. Я понял, что допустил ошибку, и, если меня не отпустят из кабинета следователя, то обязательно изобьют до полусмерти по дороге в камеру. В наручниках я и защититься толком не сумею.

– Я готов говорить правду, – согласился я. – Только я не совсем понимаю, чего от меня хотят. Объясните.

– Я объясню, – с угрозой в голосе произнес Абдулкадыров. – В линейном отделе милиции, как раз незадолго до отхода вашего поезда, вам уже сказали, что на вокзале в Москве произошел террористический акт... Так, кажется...

– Кажется, так... Тот капитан, что обозвал меня Людоедом, коротко объяснил, с чем связан допрос всех пассажиров.

– С вас и отпечатки пальцев, помнится, сняли, – Асхаб Гойсумович голосом нагнетал напряжение, готовясь сказать что-то важное.

– Сняли...

Я даже на руки посмотрел – не сохранились ли остатки пасты.

– Вот и отлично, значит, не придется еще раз снимать.

– Я бы с этого доктора наук в день по три раза отпечатки снимал, – сказал мент. – И не позволял бы руки после пасты вымыть...

– Отставить, майор, – снова повторил старший следователь. – Не мешай мне вести допрос. Ты своими кулаками меня с мысли сбиваешь.

Асхаб Гойсумович, кажется, заработался. Во второй раз мент сбил его с мысли не кулаками, а словами. Но это сути не меняло. Я приготовился слушать дальше.

Я могу подробности рассказать. Интересно?

– Не очень, но – пожалуйста, я вас слушаю, – проговорил я с готовностью.

– Пассажиры вокзала обратили внимание на бесхозную сумку, уже некоторое время стоящую без присмотра. Как и полагается, сообщили в милицию. Милиционер оказался неквалифицированным, хотел сначала вынести ее за пределы зала ожидания, но сумка оказалась очень тяжелой, и он сам стал досматривать ее. В результате произошел взрыв. В сумке было заложено безоболочное взрывное устройство, начиненное поражающими элементами из болтов и гаек. Погибли семь человек, и около тридцати получили ранения разной степени тяжести. Погиб и сам милиционер... У него в руке остались зажатыми только ручки той сумки...

Старший следователь сделал паузу, подчеркивая значение сказанного. И откровенно наслаждался паузой.

– И что же? – спросил я, прерывая паузу, потому что он именно этого хотел. Если хочет, то почему не ублажить человека.

– Может быть, вы сможете как-то объяснить, каким образом на этих ручках оказались ваши отпечатки пальцев?

У меня от удивления расширились глаза.

2. КОМБАТ

Понимая, что отправить электронную почту – это дело нескольких мгновений, в худшем случае, если файл, как говорится, «тяжелый», нескольких минут, я поспешил домой, к своему компьютеру, и даже пожалел, что с утра, желая дать ноге нагрузку, приехал домой к Андрею не на машине. К счастью, автобус подошел к остановке быстро, и я влез в него. Мне не терпелось

узнать, что же там накопал Дима Батуханов на Исапила Людоеда. Где этот бандит объявился, и какой след оставил. И дело даже не в том, что я собирался, как породистая гончая, сейчас же бежать по этому следу. Не мое это, в общем-то, дело. Просто сразу все вспомнилось, сразу все всколыхнулось в душе, вся боль, вся обида, все мысли и переживания, и даже нога, которая, казалось, почти не беспокоила, заняла.

Нетерпение у меня в характере с детства. Тогда я предпочитал обычно действовать по первому позыву, а только потом думать, стоило ли действовать. Но я уже научился смирять свое нетерпение, и со стороны никто не подумал бы, что я спешу. Я степенно прошел в конец салона автобуса и сел на свободное место.

Ехать мне было далеко, через весь город, так что и время было подумать, и было о чем подумать, хотя думать об этом было не слишком приятно. И не потому, что сама личность Исапила Людоеда вызывала у меня яркую неприязнь. Я знал, что он бандит, на руках которого много пролитой крови. Я знал, что он оставил без ног моего племянника, и меня, боевого офицера спецназа, отправил на инвалидность. И тем не менее было в этой личности что-то такое, что отличало от большинства полевых командиров бандитов, так называемых эмиров.

Про Исапила среди мирных чеченцев, если, конечно, такие есть, ходило множество легенд. И вообще мирные жители относились к Людоеду с сочувствием и, может быть, даже со странной в нашем русском понятии любовью. По крайней мере, в уважении ему никто отказать не мог. Репутация Робин Гуда, к тому же человека высокого интеллекта, а помимо всего прочего, еще и миллионера, который вместо отдыха на Лазурном берегу, проводил каждое лето в чеченских горах, дорогого стоит. Плюс звание чемпиона Европы по карате. Пусть и в далеком прошлом, тем не менее такие титулы во всех кавказских республиках уважаются сильно.

Наверное, федеральным силам, то есть командованию федеральных сил, стоило прислушаться к мнению простого народа и попытаться найти с эмиром Азнауровым общий язык. Откровенных террористических актов на его счету, кажется, не было. То, что ему приписывали, как потом vyplывало, было делом рук других людей. Но его и травили больше других, его и преследовали больше других, его и предавали чаще, чем кого бы то ни было, и даже покушения на него устраивали, а Исапил Людоед благодаря поддержке местного населения и своей везучести, благодаря своему уму умудрялся долго держаться на плаву, но не повезло Людоеду, когда его предали в очередной раз. Тогда погиб практически весь отряд, собранный из разных мест Чечни. Но сам Исапил опять не попал в руки федеральных сил. Более того, сумел еще и комбата спецназа ГРУ на инвалидность отправить, и еще много дел натворить.

А потом пропал, но, как выяснилось, ненадолго.

Такие люди, известные и популярные, надолго не пропадают, хотя, согласно элементарной логике, должен был бы он, имея и средства и способы, залечь на дно и исчезнуть с горизонта спецслужб всего мира. Но любой эмир, почувствовавший свою власть и свою силу, не может после этого оставаться простым и незаметным человеком. Он уже заразился, он уже неизлечимо болен, он постоянно чувствует желание распоряжаться чужими жизнями. Он оставляет за собой право быть высшим судьей и убивать, если кто-то имеет иное, нежели он, мнение. Это тяжелое заболевание, и я не знаю людей, которые полностью от этого излечились. Может быть, они уже и не убивают, но потребность во власти в них живет, и они, не имея возможности удовлетворить свою потребность, страдают. Болеют...

* * *

Жена у меня заведовала кафедрой дошкольной педагогики в педагогическом институте, в последние дни писала новые лекции, и, когда я приехал домой, сидела за компьютером. Он у нас один на двоих, нам и не нужно дома два компьютера. И вообще он мне, если разобраться, не нужен, как большинству россиян, для которых это дорогая игрушка, создающая какие-то

удобства типа электронной почты. Но электронной почтой можно пользоваться и с помощью смартфона. Любе же, для которой это инструмент труда и вдобавок познания, получения новой необходимой информации, компьютер был необходим. Тем не менее он считался предметом общего семейного пользования, как, скажем, телевизор.

– Подожди, сейчас раздел закончу, покормлю тебя, – пообещала супруга.

– Мне вообще-то нужно срочно почту проверить. Меняемся? Я сам себя кормлю, ты почту проверь и распечатай письмо.

Она знала мою нелюбовь к чтению любой информации с монитора. У меня от недолгого сидения перед экраном начинало резать глаза. И потому, если предстояло что-то читать, я предпочитал распечатывать текст.

– От кого письмо-то?

– От Димы Батуханова. Ты, наверное, его не помнишь. Когда в Забайкалье служил, был у меня во взводе такой солдат. Бурят.

– Что-то смутно помню. Он, кажется, учил меня печку растапливать. Дима... Точно, лица вот не помню – что-то круглое, как луна, и помню еще, что глаз не видно, и встретила бы, конечно, не узнала. Чем он сейчас занимается?

– Подполковник милиции, служит в Грозном.

– Ясно. Оттуда информация?

– По Людоеду.

Понимая, насколько это важно для меня, жена оставила на время в покое свою лекцию, вышла в Интернет и открыла почтовый ящик. Письмо, как я и ожидал, уже пришло.

– Распечатывать?

– Распечатывай... – ответил я из кухни.

Никогда не брезговал женским трудом, хотя Люба и не любила, когда кто-то вторгается в ее законное пространство. Тем не менее когда она бывала занята чем-то, кухонные дела я брал на себя. Справился и сейчас. Я уже за стол садился, когда она принесла, на ходу заглядывая в строки, несколько листов принтерной распечатки.

Принтер что-то... автоподача не работает. Приходится по листочку вручную подсовывать... Его почистить нужно...

– Солидный труд, – одобрил я работу Димы, мало думая о принтере. – Я рассчитывал, что меньше будет.

– Объявился твой Людоед. Опять оставил за собой кучу трупов. Милицию перестрелял.

Пока распечатывались другие страницы, супруга уже пробежала глазами первую. Вообще Люба быстро читала, и любой текст осваивала в два раза быстрее меня, читая не по слогам и словам, а по целым фразам. Я пробовал читать по этой системе. Получалось быстро, но только до момента, пока я помню про саму систему. Как только забывал, начинал читать в привычном темпе.

Я взял листы и глянул на первые строки.

– Ну, не милицию, положим, а дорожных инспекторов...

– Есть разница?

– В сущности, никакой. Хотя такое убийство может вызвать у многих водителей положительную реакцию. Это выражение чаяний всех, кто проводит за рулем много времени. Людоед и им угодил... За то его в народе любят, – нечаянно получалось, что я как будто бы пробовал оправдать убийцу.

– Его любят? – переспросила Люба.

Ей, чистому гуманитарии, к тому же обладательнице исключительно женской логики, такие вещи категорически претили, и, если заходил разговор о боевых действиях, чаще всего мои суждения заслуживали неодобрения и критики.

– По крайней мере раньше любили...

– За убийства?

– За кажущуюся справедливость... Он всегда карал несправедливость. Если ему кто-то на произвол ментов или местных властей жаловался, этих ментов или представителей власти можно было сразу хоронить. Ладно, я прочитаю.

– Только после обеда... И без возражений... Или прочитай, потом пообедай.

Бороться с требованием жены было бесполезно. Я пробовал и знаю. Даже при недостатке времени Люба не позволяла совмещать приятное с полезным, заявляя, что готовит не для того, чтобы ее кулинарные старания остались незамеченными за чтением или просмотром телевизора. Впрочем, телевидение касалось сына. Я телевизор вообще не включаю. Иногда только смотрю новости, мало веря услышанному и увиденному, потому что обладаю реальной информацией, и спортивные передачи. Я давно смирился с кардинальным требованием жены и не решился возразить даже в этот момент, хотя так спешил прочитать сообщение Димы...

* * *

Все личное дело полевого командира Исапила Хамзатовича Азнаурова подполковник Батуханов мне, естественно, не прислал. Это дело, скорее всего, состоит из нескольких толстенных, не меньше. Но в любом случае потрудился Дима основательно, выбрав и проанализировав наиболее крупные операции, проведенные Азнауровым, и перечислив все биографические данные, которые могли бы помочь выйти на его след и на его связи, родственные или дружественные. Здесь же был электронный адрес его жены, Катрин Азнауровой, и электронный адрес сына Зураба, номера их сотовых телефонов. Эту выборку, как я понял, он делал специально для меня, понимая мое любопытство и его причину. Дима должен почувствовать состояние офицера спецназа ГРУ, попавшего в мое положение. Поскольку сам знал, что такое спецназ ГРУ не понаслышке. Помимо того он с сочувствием отнесся к случившемуся со мной и с племянником.

Начинался присланный материал сообщением о том, что неподалеку от Грозного был расстрелян пост ГИБДД в составе трех дорожных инспекторов. Пули, согласно заключениям экспертов, были выпущены из двух пистолетов, и стреляли, видимо, два человека, причем оба пистолета уже проходили по республиканской картотеке баллистической экспертизы, один из них принадлежит, согласно данным, Исапилу Хамзатовичу Азнаурову. Пистолет «Вальтер», калибра 7,65 миллиметра, с глушителем, по показаниям нескольких допрошенных свидетелей, Азнауров всегда носил с собой. Из второго пистолета, «Беретта-92», тоже проходил по картотеке как оружие убийства, из него был убит милиционер, но кому он принадлежал, это определено не было. При этом следствием была отмечена разница в манере стрельбы. Если из «Вальтера» стреляли сдвоенными выстрелами в голову с близкого расстояния, то из «Беретты» стреляли в спину бегущему инспектору. Стреляли тоже дважды. Одна пуля пробила сердце, вторая прошла рядом.

Кроме того на стене будки поста ГИБДД были развешаны ориентировки с портретами находящихся в розыске бандитов, и портрет Любоеда там был сорван. Предположительно, сорвали портрет сразу после убийства, что дает основание считать присутствие на посту Азнаурова вероятным.

Убитые сотрудники поста ГИБДД по службе характеризовались положительно, считались образцовыми инспекторами, лояльными к водителям, потому что составляли мало протоколов и редко выписывали штраф, предпочитая устные беседы.

Здесь Дима, конечно, погорячился. Это в нем ментовская солидарность разыгралась, а она часто бывает необоснованной. Там, где мало протоколов составляют, как правило, сразу берут наличными, иногда даже по-крупному. А уж как нагло требуют себе мзду «гиббоны» в Чечне, об этом легенд ходит гораздо больше, чем о Любоеде. И потому я не мог согласиться с выво-

дом следственной бригады, что нападение на пост ГИБДД было ничем не спровоцированным. То есть просто террористическим актом. Менты вполне могли спровоцировать свое убийство откровенной наглостью. Людоед такого обычно не прощал.

Я и раньше, когда готовил часть батальона для участия в операции против Людоеда и изучал материалы по его боевой деятельности, отмечал предвзятость в характеристике и описании всех действий Ибрагима Азнаурова. Эта предвзятость просматривалась даже тогда, когда описание готовили разные люди. Впрочем, этому факту было простое объяснение. Все описания составлены или чеченскими ментами, или следователями из Чечни. А именно они были предметом постоянной охоты Азнаурова. И прозвище ему следовало бы дать не Людоед, а Ментоед. Впрочем, откуда взялось прозвище, Дима Батуханов тоже написал. И даже в этом вопросе опять засветились менты. Как всегда, не с лучшей стороны.

При этом подполковника Батуханова, как и меня, заинтересовало, как и почему Людоед подался в бандиты. Случились это как-то само собой, и очень резко, без явной причины. Преуспевающий молодой ученый сразу после защиты докторской диссертации в Лондоне вернулся домой, организовал отряд и стал бандитом. Не бывает так, чтобы человек без причины бросил хорошую добрую жизнь и от скуки уходил в горы и леса. Если просматривать биографию любого полевого командира, он обязательно начинал свою деятельность или во времена войны с Россией, когда вся Чечня воевала, и он тоже был заражен пламенными речами сепаратистов, или что-то толкнуло его к разрыву всех отношений с обществом уже позже. Но толкнуло настолько резко и болезненно, что иначе поступить человек не мог. Во время двух чеченских войн Ибрагил Хамзатович проживал в Санкт-Петербурге, и никаких отношений с людьми, проживающими в разных местах, не поддерживал. Сепаратизмом заражен не был, иначе не работал бы в северном российском городе, а подался бы в родные южные горы. Значит, толчок произошел впоследствии, когда в республике стало намного спокойнее. И когда местная власть окрепла и незаконным вооруженным формированиям стало чрезвычайно сложно выживать, он все же собрал банду и стал ее эмиром. Но по какой причине, как и почему произошло подобное, никто пока точно сказать не мог. Известно было лишь то, что произошло само событие после задержания Азнаурова в качестве подозреваемого в пособничестве террористам, организовавшим взрыв на вокзале в Москве. Но тогда его даже до камеры довести не успели. Участие в следствии вылилось лишь в предварительное собеседование, и даже не в допрос. Он бежал из-под стражи и превратился из подозреваемого в настоящего преступника. Произойти такое могло лишь в том случае, если бы обвинения в терроризме были действительными. Тогда – да, тогда все оправданно и логично. Однако все участники и организаторы того террористического акта через некоторое время были найдены, арестованы и осуждены. И никто из них ничего не знает о Людоеде. То есть не участвовал он в том самом деле. Следовательно, открытой и очевидной причины удариться в бег у него не было. А он подался... Могла стать причиной и какая-то семейная или иная ссора. Но жена-англичанка уверяет, что Ибрагил ни с кем не ссорился, с ней тем более, и даже перед арестом находился в прекрасном настроении и разговаривал с ней по телефону как раз тогда, когда за ним пришли. Эту загадку, как предполагал Дима Батуханов, можно было разрешить только после поимки самого Азнаурова. Но его задержание пока выглядит сложной задачей.

Предположительно, в настоящее время Ибрагил Хамзатович покинул пределы республики на машине. Но в какую сторону он уехал, и как далеко от Чечни, и надолго ли, не знает пока никто. Вполне возможно, что Людоед собрался уехать в Великобританию к семье. Но его розыск ведется не только силами МВД и ФСБ России, но и по линии Интерпола, и Людоед не может не знать об этом. Даже в ориентировке, что висела на стене поста ДПС, было ясно написано, что преступник находится в международном розыске. Однако в течение ближайших часов после убийства дорожных инспекторов были предприняты все меры по блокированию дорог и даже самолетов, вылетающих в Лондон. На всякий случай... Результата это,

понятно, не дало. Но сам Дима, хорошо знающий практику и статистику поиска, очень сомневался, что Азнауров попытается покинуть пределы России. Если не покинул их сразу, значит, у него есть здесь какие-то важные с его точки зрения дела, и покинет он страну только после того, как крупно «отметится». Остается только ждать или искать возможность провокации, которая заставила бы Людоеда зашевелиться и выйти из тени.

Это и перечисление прошлых боевых «заслуг» эмира Азнаурова, было все, что Дима мне прислал. Материал большой, но ничего практически не дающий для поиска в настоящее время. Было бы еще что-то, Дима обязательно сообщил. И сообщит, когда что-то появится. Так он пообещал в заключение. Но рассчитывать на большее мне и не следовало. Даже если исходить из простейшей логики, то, имея МВД более конкретные данные, они уже поймали бы Людоеда. По крайней мере, попытались бы расставить ему сети. А это у них пока не получается. Слишком сложно для ментов, а ФСБ пока почему-то этим объектом не сильно увлечена. Осталась надежда на спецназ ГРУ. Не на действующий, естественно, а на комиссованного инвалида комбата, который пока еще тоже чего-то стоит...

По крайней мере при прочтении присланных материалов у меня сложилось впечатление, что Дима мечтает помочь добраться до Людоеда мне лично. Исход такой встречи Батуханов может предположить, хотя и знает, насколько Людоед опасен, как противник. У меня же пока планов, отвечающих планам Димы, в голове не было. Более того, я не мог никуда уехать, поскольку Люба заведует в пединституте кафедрой, а следовательно она человек занятой, и у нее с трудом хватает времени содержать дом, а не то чтобы помогать моей лежащей в больнице сестре и ее сыну. Так что заботиться о них должен я сам. Этого Дима, надо полагать, не знал. Я задумался над возможностью самостоятельного поиска. Не всерьез, естественно, но просто попытался предположить, чем занимается Людоед, и почему не уезжает далеко и навсегда. И как можно ментам организовать для него ловушку.

* * *

Андрей позвонил мне сам. Ему тоже, видимо, не терпелось узнать что-то новое о виновнике всех своих бед.

– Дядь Леш, ну что там? Получили?

– Получил.

– И что, поймают его?

– Когда-нибудь, может, и поймают. Пока ничего обещать не могут.

– А где он отметился?

– Его самого не видели. Но из принадлежащего ему пистолета были расстреляны сотрудники ДПС рядом с Грозным. И сорвана со стены ориентировка самого Людоеда.

– Это еще ничего не говорит, – Андрей сделал правильный вывод.

– Да, это ничего не говорит. Но мне, кажется, пришла в голову мысль, как его заманить в ловушку. Я подумаю...

– Как заманить? – стал настаивать на ответе Андрей. Причем настаивать таким тоном, словно я обязан был отчитываться перед ним.

– Я подумаю, – не стал я уточнять.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. ЛЮДОЕД

Машина не ехала, она летела всю дорогу до границы Чечни. Однажды патрульная машина ДПС все же мелькнула на обочине. Но самих ментов видно не было, а я даже не сбавил скорость и пронесся мимо. Я вообще люблю ездить быстро. Для такой езды очень подходят немецкие автобаны, оборудованные отдельной скоростной полосой. А если такой полосы нет, то немецкая дорога еще более скучная, чем российская. Уснуть можно. А полиция там более придиричива, чем наши менты, хотя нашей наглости не проявляет. И даже если протокол не составляют, то взятку не требуют, а ограничиваются письменным предупреждением. Любят порядок, и потому обязательно письменно все оформляют. Наверное, эти предупреждения заносят в компьютер. Когда меня в первый раз в Германии остановили за превышение скорости, то в компьютерной базе проверяли сразу из машины. Не нашли и лишь пожурили.

У себя в Чечне я вынужден был держать высокую скорость, чтобы уехать от места происшествия как можно дальше. Обычно менты организуют операцию «Перехват» и пытаются проверять всех подозрительных, не очень подозрительных и даже совсем не подозрительных. И чем дальше я окажусь от самого Грозного, тем в больший круг подозреваемых попаду. А чем больше подозреваемых, тем сложнее найти разыскиваемого.

Приближалась граница Ставропольского края. Это значило наличие двух постов – по ту и по эту сторону границы, и посты эти не простые, а, как правило, усиленные нарядом спецназа внутренних войск. «Краповые» ребята серьезные, и с ними вступать в перестрелку не слишком хотелось бы. Выбрав удобное место, я остановился.

– Пойдем спрячем оружие... – сказал я Копченому.

– Впереди мост будет, – возразил Давид. – Под мостом лучше. Потом искать проще.

– Под мостом все прячут. У нас под каждым мостом можно по паре автоматов и по миномету с гранатометом подобрать, – усмехнулся я. – Пойдем здесь. Я место запомню.

– А я вообще места не запоминаю, – вздохнул Копченый и вышел из машины.

У меня на этот случай был в багажнике специальный пластиковый ящик, упаковка из под какой-то техники. То ли электролобзик там был, то ли еще что-то. Выдрав внутренности, я приспособил ящик под пенал для оружия. Пластиковая защелка плотно закрывала две створки и делала ящик герметичным. Можно не беспокоиться – влага в него не попадет. Мой пистолет обычно помещался там вместе с глушителем. Но большая «Беретта-92» Копченого занимала слишком много места, и, чтобы поместить оба пистолета, мне пришлось свинтить с «Вальтера» глушитель. После этого место осталось даже для запасных обойм, которые в машине оставлять тоже было нельзя, а выбрасывать жалко. Взял из багажника малую саперную лопатку, по примеру спецназовской лопатки предельно оточенную, и ушел вместе с ящиком в ближайший лесок, где и закопал свой клад. Лопатку, естественно, очистил от земли, чтобы не было на ней свежих следов. В машине под сидением у меня лежал травматический бесствольный пистолет «Оса», оружие, пригодное разве что для уличной драки, прицепил подмышечную кобуру и спрятал в ней новое оружие, лицензия на которое была у меня в кармане. Когда человек предъявляет ментам травматическое оружие и разрешение на его ношение, это психологически ментов расслабляет и как бы само собой подразумевает, что другого оружия у тебя нет. Трюк проверенный, и обычно работающий.

– Поехали, Давид, пора. Можешь надуть для важности щеки. Ты – босс, я – твой водитель и охранник.

Эта легенда безотказно работала там, где мы с ним обосновались, в Ставропольском крае, в небольшом поселке поблизости от административной границы. Купили вполне приличный дом, подремонтировали и живем там. И Грозный рядом, есть возможность всегда съездить, и надзор в Ставрополье не такой, как в Чечне, и постов на дорогах несравненно меньше. А этнических чеченцев вдоль границы живет столько, что ментам присматриваться к ним ко всем просто невозможно. В нашем поселке их больше половины...

* * *

К посту ДПС со стороны Чечни мы подъехали все же на скорости. Не ездят у нас в республике медленно. Горячая кровь так ездить не позволяет. Ну разве что если сама машина сама не тянет. Но моя новенькая «БМВ» сомневаться в своих скоростных возможностях никому не давала. На такой машине медленно ездить – Аллаха гневить.

С дорогой, видимо, было что-то не в порядке. Или с обстановкой вокруг дороги. Машин следовало, как я заметил, мало. И в одну, и в другую, кстати, стороны. Я догадывался, что произошло где-то там, около Грозного, некое событие, которое мешает движению, потому что слух уже должен был распространиться, кто-то кого-то предупредил телефонным звонком, что менты на дороге обязаны лютовать, и все водители должны знать, что лучше в этот день дома отсидеться, если есть такая возможность.

На посту, где всегда одновременно стояло около десятка проверяемых машин, сейчас не было ни одной.

Инспектор, стоящий на обочине в двадцати метрах от поста, поднял радар, якобы измеряя скорость моей машины. Но я к тому времени уже сбросил скорость до восьмидесяти, поскольку вовремя увидел соответствующий знак.

И тем не менее взмах жезла заставил меня направить автомобиль к будке, где стоял другой инспектор и три здоровенных парня в бронежилетах и «разгрузках». Их головные уборы сомнения не вызывали, – дорогу блокировал «краповый» спецназ. И инспектор, и «краповые» были с автоматами. Наверняка сюда уже позвонили и сообщили о случившемся на посту под Грозным. Менты злы, и проверять будут дотошно – в этом я не сомневался. Но к такой проверке мы с Копченым были готовы.

Подъехав ближе, я узнал дежурного инспектора. Он здесь дежурит постоянно, и как-то так получалось, что я несколько раз проезжал в его смену и даже вполне мирно с ним беседовал.

Инспектор узнал машину. Сказал что-то «краповым». К нам двинулись только они.

Старший наряда, здоровенный мужчина козырнул, невнятно представился. Но вполне внятно вслед за этим спросил внушающим уважение, голосом:

- Куда следуете?
- Едем из Грозного домой... Поселок в восьми километрах отсюда.
- Ставропольцы?
- Так точно.
- А почему тогда номера на машине чеченские?

Я вышел из машины и показался себе ребенком рядом с этим крупным мужиком.

– Машина на меня зарегистрирована. Я – житель Чечни. Дом в поселке принадлежит боссу, – кивнул я на заднее сидение, где за густо тонированными стеклами Давид даже не просматривался. – Мы часто тут ездим...

- Из Грозного давно выехали?
- Ну, как выехали, сразу сюда и доехали. Я время не засекал. Как обычно...
- На предыдущем посту ДПС ничего странного не видели?
- Видели, – сказал я. – Я даже подъехал, спросил, не нужна ли помощь. Только там помогать уже было некому – две пули в сердце.

- Сколько там пострадавших? – задал «краповый» проверочный вопрос.
- Мы одного только видели. На площадке перед будкой лежал...
- Народ там был?
- Две машины стояло. И люди... Человек восемь-девять. Я не считал.
- Ладно. Что везете?
- Себя...
- Оружие, наркотики есть?
- Травматический пистолет, на него есть лицензия.
- Предъявите лицензию.

Я вытащил из кармана пакет с документами. Предъявил лицензию.

- «Оса». Сильная штука. Предъявите оружие.

Я вытащил из подмышечной кобуры пистолет, протянул «краповому» рукояткой вперед. Тот сверил номер на оружии с номером в лицензии и вернул пистолет и документы.

- Нам необходимо обыскать машину. Попросите своего босса выйти перекурить.

Я открыл дверцу и передал Копченому просьбу «крапового». Давид выбирался из машины важно, с недовольством поглядывая и на «краповых», и на меня.

- Приступайте. Машина свободна.
- Багажник! – потребовал другой «краповый».

Я послушно открыл багажник. Может быть, даже слегка услужливо. Ментам и иже с ними такое поведение нравится. Они себя начинают чувствовать грозными. Но я-то играл, а они были серьезными. А в действительности я их в разном виде наблюдал. Воевать они, конечно, умеют. Но и убегать, и прятаться в испуге «краповые» тоже могут иной раз, даже больше, чем армейские служаки. Оно и понятно. Армейские – к примеру, те же самые «летучие мыши»², – обучены бою в полевых условиях, обучены и наступлению и отступлению. И делают и то, и другое организовано. У «краповых» функциональные обязанности другие, их другому учат, и потому в бою они – обычные парни, которые напугать своим грозным видом никого не могут. Посмотрел я на них за последние годы, посмотрел...

Машины осматривали тщательно. Вот это они умеют, этому их учили. Потом привели из милицейской будки собаку. Американского коккер-спаниеля, который, потрясывая кудрявыми, волокущимися по земле ушами, вынюхивал всю машину. Но собака найти ничего не могла. Это я знал. Собака ищет или наркотики, или взрывчатые вещества. Причем одна ищет одно, другая обычно ищет другое. Что ищет коккер, я не знал. Ни наркоты, ни взрывчатых веществ у нас с собой не было. Единственное, что меня слегка беспокоило, могли найти только люди. Но для этого требовалось снять запаску и отвинтить два болта. Тогда можно будет открыть небольшой тайник, в котором хранятся запасные документы на меня и на Копченого. По два комплекта. Но «краповые» туда не полезли...

Осмотр закончился.

– Можете следовать дальше, – здоровенный «краповый» опять козырнул и пошел в сторону. Остальные двинулись за ним.

Хорошие парни, умные – не стали меня злить. А то однажды обыскивали мою машину, повыбрасывали все из нее на дорогу, испачкали грязью, как мне показалось, намеренно и пожелали мне счастливого пути. Тогда меня остановили посреди дороги, и я не имел возможности спрятать оружие. К счастью, меня никто не обыскивал. Опять сработал травматический пистолет с лицензией. Но за машину стало обидно. Я вытащил пистолет, окликнул, чтобы обернулись, и расстрелял.

А эти оказались и аккуратными, и вежливыми. Пусть живут...

² «Летучая мышь» – неофициально прозвище спецназа ГРУ, поскольку на нарукавной эмблеме спецназа ГРУ изображена летучая мышь, обнимающая крыльями земной шар.

* * *

В поселок мы въехали без происшествий. Больше нас останавливать не пытались, даже на посту в Ставропольском крае, который стоял через два километра от чеченского поста.

На улице были люди. Из любопытства они смотрели на нашу машину. Я бы сам на такую красавицу смотрел бы, поэтому ничего удивительного во взглядах прохожих я не узрел. Когда никого рядом нет, я посылаю Копченого открывать ворота гаража. Для этого следует войти во двор, открыть в гараже боковую калитку и потом открыть ворота изнутри. Когда на улицах прохожие, я сам выхожу, уважительно говорю что-нибудь пассажиру и иду открывать. Как и положено водителю и охраннику. Нас здесь соседи так и разделяют – хозяин и охранник. И очень вежливо раскланиваются с Копченым. Со мной тоже здороваются, но не так. Я, впрочем, за это на народ не в обиде. Так дольше на свободе останусь.

Свою роль я продолжал играть даже во дворе, поскольку сплошной каменный забор, по нынешним временам, привычный для здешних дворов, мы так и не построили, а через штакетник, доставшийся нам в наследство от прежних хозяев, видно, что творится во дворе.

И только в доме мы стали самими собой.

Я сразу прошел в душ, а Копченный стал готовить обед. Здесь уже я стал хозяином.

* * *

Компьютер у меня был хороший, только вот с Интернетом возникали постоянные проблемы. Дом был телефонизирован через местную районную линию, но выделенной линии для Интернета в поселке не было. А работать через модем с примитивной сельской связью в двадцать первом веке мучительно и унижительно, и я через месяц мучений от этого отказался. Пока же я остановился сейчас выхожу в Интернет через GPRS-модуль трубки сотового телефона. Дороговато, не слишком быстро, но без нервозов.

Как обычно, после обеда я вышел в Сеть и проверил свою почту. Было только короткое письмо от сына. Электронным адресом Зураба для переписки со мной пользовалась и жена, потому что, отыскивая меня, могли выйти на старый номер ее электронной почты. И даже наверняка вышли, поскольку в розыске я прохожу через систему Интерпола, а Интерпол, как меня предупреждали, имеет доступ практически ко всем сетям. Только вот, чтобы суметь найти нужный адрес, требуется сделать невозможное. В принципе невозможное тоже сделать можно, но лет так за триста. Пусть триста лет ищут. Я не против...

Сын открыл новый номер только недавно, а заодно и мне у своего же английского провайдера, поскольку язык у меня затруднений не вызывал, и на англоязычном сайте я мог вполне свободно ориентироваться. Так что заподозрить, что Зураб осуществляет связь со мной, мне кажется, моим гонителям сложно. Вернее, подозревать-то они наверняка подозревают, но вот перехватить эту связь не могут, не хватает у них технических средств, чтобы провернуть такую акцию, – выйти на меня во Всемирной паутине. Сколько бы не ругали антиглобалисты блага цивилизации, а для таких людей, как я, Интернет – это действительно благо. Да, пожалуй, и для любого, скажем так, разведчика, работающего в чужой стране. Невозможно отследить связи. Особенно если работать через шифрующие программы, каких сейчас существует множество. Я, конечно, не разведчик, я просто гонимый судьбой и людьми. Больше людьми, чем судьбой, но для чего-то даны мне все испытания, значит, следует их перенести с честью. И я переносу.

Зураб у меня не очень уважает эпистолярный жанр. Ему уже девять лет, то есть, по кавказским меркам, он уже почти мужчина и достоин носить оружие. Пусть и облегченное, но письма его все еще по-детски просты и наивны. Простые вопросы и простейший рассказ о себе. Типа: у меня все хорошо, а как у тебя? Мальчику совсем не обязательно знать, как плохо у

папы. И потому о своих делах я всегда отвечаю в стиле сына. Ответил и сейчас. И только после этого вышел на другую электронную почту. Там уже ждали сообщение, пришедшее еще два дня назад. Любоеда как раз два дня и не было дома, иначе он, возможно, и не вернулся бы сегодня, потому что этого письма он ждал, и в этом письме должны были содержаться данные, которые потребуют действия.

Чтобы прочитать новое письмо, пришлось включить программу-дешифратор на идентичном входном коде с программой-шифратором, через которую отправлялось письмо. Код шел в первых пяти знаках зашифрованного сообщения. Пока шла расшифровка, а этот процесс может растянуться минут на десять, я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, невольно снова вспомнил, что стало первопричиной всех моих бед...

* * *

– Мои отпечатки? – переспросил я, потому что утверждение поставило меня в дурацкое положение. Если бы меня назвали инопланетянином и заявили, что имеют на это такое доказательство, эффект, думаю, мог бы быть аналогичным.

Старший следователь по особо важным делам смотрел на меня торжествующе и чуть-чуть щурил глаза, чтобы показать свою природную хитрость.

– Именно так. Ваши отпечатки остались на ручках взорвавшейся сумки. И потому было бы естественным предположить, что сумку со взрывным устройством на московский вокзал принесли именно вы...

– Конечно, как это я забыл. В Лондоне по случаю купил на толкучке. Дай, думаю, отвезу в Москву. Не на своем же горбу, на самолете.

Мент в забрале опять продемонстрировал способности солиста-матерщинника. Но аплодисментов не дождался.

– Не ерничайте, Исрапил Хамзатович, – не поддержал мой тон Асхаб Гойсумович. – Это вам не поможет.

– У меня между самолетом из Лондона и поездом до Грозного оставалось четыре часа времени. При московских пробках – только-только добраться... Я даже зайти перекусить никуда не успел...

– Возможно, что вы говорите правду, – внезапно согласился Абдулкадыров. – Вы не успевали. И сумку вам привезли, и передали... Кто привез, кто передал?

Я с обреченным видом пожал плечами, и даже ответом его не удосужил. Настолько обвинение показалось мне абсурдным.

– Тем не менее ваши отпечатки пальцев имеются на ручках, они зарегистрированы в системе всероссийского розыска, и вам никак не удастся отвертеться. И грозит это вам, боюсь, пожизненным заключением. И не надейтесь, что в заключении проживете долго. Там никто больше трех-четырёх лет не живет... Вы там сами будете себе смерти желать, это я вам обещаю... Каждый день, каждый час над вами будут издеваться вертухаи. Смерти будете желать, как спасения, но за вами будут следить пристально, и не позволят даже жизнь самоубийством покончить. Вот что такое пожизненное заключение. Но лучшего я вам обещать не могу.

Он говорил очень серьезно и убежденно. В такую речь трудно было не поверить.

– У вас прочные связи с западным миром, хотя сам вы человек восточный по своему менталитету. Вы лучше западных людей знаете, что такое смерть. Но это на Западе пожизненное заключение может длиться очень долго. У нас такого не бывает. У нас человек быстро становится трупом, причем трупом живым, которому не позволяют умереть и продолжают его мучить... Страшное это дело, пожизненное заключение.

Он мог бы рассказывать эти страсти еще долго. Но я коротко и ясно сказал:

– Я не мог оставить отпечатки на той сумке. Не было у меня никакой сумки. Все мои дорожные вещи уместаются в небольшом саквояже, который я всегда беру с собой, когда куда-то еду. И не могло быть на сумке моих отпечатков.

– Могли, – с улыбкой сказал старший следователь по особо важным делам. – Не нужно быть таким добреньким. Зачем вы помогали старушке? Зачем вы поднимали ее сумку при выходе из подземного перехода?

Он подсказал, а я вспомнил. Пожилая женщина несла сразу три сумки. Одну поставила на плиточный пол перехода, вытерла пот с лица, перевела дыхание и обратилась ко мне:

– Мужчина, помогите с сумками подняться.

Я не мог отказать. Взял ту сумку, что она поставила, и понес. Женщина шла сзади с двумя оставшимися сумками. Но та самая сумка была нетяжелой, и взрывное устройство в нее могли подложить позже. Но эти подробности откуда известны Абдулкадырову? И, если он все знает, то какие же он предъявляет мне обвинения?

Я понял, что вопрос здесь не слишком простой, и я, кажется, основательно влип.

С меня сейчас что-то потребуют.

Что же именно?

2. КОМБАТ

Я порылся в памяти, вспоминая там номер нужного мне сотового телефона. Первые цифры вспомнились легко, но вот четыре последние путались. Память с возрастом стала подводить. Хотя о старости говорить еще рано, но провалы в памяти – первый из неприятных признаков старости. Надо взять себя в руки и вспомнить... Нет, никак.

Тогда я позвонил начальнику штаба бригады:

– Виктор Палыч, здравствуй. Студенков беспокоит. Помнишь еще такого?

– Здравствуй, Алексей Владимирович. Помню и иногда добрым словом вспоминаю. Честно говорю. Куда пропал? Не заезжаешь что-то.

– За руль не сажусь. Хожу пешком, разрабатываю ногу, надеюсь в строй вернуться. Да и дела тут, понимаешь, закрутили. За Андреем присмотреть надо. И мать его в больнице. Второй инфаркт за два месяца. Никак не получается заехать.

До городка, где стоит бригада спецназа ГРУ, от города двадцать два километра. По федеральной трассе восемнадцать километров до поворота – дорога на загляденье. Потом четыре километра по выбоинам. Раньше утром из дома ездил, вечером домой. Сейчас, в самом деле, собраться не могу.

– Выбери время. Возьми пару бутылочек. На обратную дорогу тебе водителя выделим. Хочешь, машину за тобой пришлю.

– Как время появится, тогда. Сам хочу в батальон заглянуть. Душа побаливает.

– Понимаю. Сейчас как, по делу или поболтать? У меня люди сидят.

– По делу. Ты Ангелова помнишь? Тезка мой, Леша Ангелов... Он капитаном на инвалидность ушел. Мы с тобой тогда в старлеях ходили.

– Помню. Я же тебе говорил, что видел его как-то в Москве. Тогда он в Интерполе служил. Сейчас, может, и на пенсии уже.

– Жалко, если на пенсии. Но мне телефон его нужен.

– Не спрашиваю зачем. Сейчас, в записной книжке посмотрю.

Начальник штаба у нас человек старомодный, компьютеры не любит, и все записи телефонных номеров не в компьютере или в трубке держит, а в потрепанной записной книжке.

– Нашел. Запоминай.

Виктор Палыч продиктовал. Номер был тот же, что и раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.